

Т. Х. Габитов

ЭТИКА ЮРИСТА

Учебное пособие

**Алматы
2006**

ББК 67.0я73

Г 12

Габитов Т. Х.

Г 12 Этика юриста. Учебное пособие. - Алматы: Юридическая литература, 2006.—66 с.

ISBN 9965-620-24-5

В данном учебном пособии в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта даны основы правовой этики. В нем использованы отдельные материалы из следующих опубликованных книг: Габитов Т.Х. и Жатканбаев Е.Б. Этика бизнеса. – Анкара, Йепа, 1997; Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов. – Москва, Щит и меч, 1998; Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. – М., 1998; Габитов Т.Х. и др. Основы этики. – А., 1997.

Пособие предназначено для студентов юридических специальностей вузов и колледжей РК, всем интересующимся проблемам и нормативными документами правовой этики.

ББК 67.0я73

1202000000
Г $\frac{\quad}{00(05)-03}$

ISBN 9965-620-24-5

© Габитов Т. Х., 2006.

© Юридическая литература, 2006

E-mail: law_literature@nursat.kz

Т. Х. Габитов

ЭТИКА ЮРИСТА

Учебное пособие

**Алматы
2006**

ББК 67.0я73

Г 12

Габитов Т. Х.

Г 12 Этика юриста. Учебное пособие. - Алматы: Юридическая литература, 2006.—144 с.

ISBN 9965-620-24-5

В данном учебном пособии в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта даны основы правовой этики. В нем использованы отдельные материалы из следующих опубликованных книг: Габитов Т.Х. и Жатканбаев Е.Б. Этика бизнеса. – Анкара, Йепа, 1997; Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов. – Москва, Щит и меч, 1998; Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. – М., 1998; Габитов Т.Х. и др. Основы этики. – А., 1997.

Пособие предназначено для студентов юридических специальностей вузов и колледжей РК, всем интересующимся проблемам и нормативными документами правовой этики.

ББК 67.0я73

1202000000
Г **00 (05) – 03**

ISBN 9965-620-24-5

© Габитов Т. Х., 2006.

© Юридическая литература, 2006

E-mail: law_literature@nursat.kz

Содержание

1. [Предмет этики права](#)
2. [Особенности и социальные функции этических категорий..](#)
3. [Профессиональный долг и честь](#)
4. [Добро и зло](#)
5. [Справедливость](#)
6. [Счастье](#)
7. [Совесть](#)
8. [Обычай, миф и право](#)
9. [Каноническое право и мораль](#)
10. [Естественное право и мораль](#)
11. [Римское право как нравственная ценность](#)
12. [Позитивное право и мораль](#)
13. [Живое право как источник правовой морали](#)
14. [Нравственное содержание правоохранительной деятельности](#)
15. [Нравственные конфликты в правоохранительной деятельности](#)
16. [Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка](#)
17. [Основные принципы этики полицейской службы](#)
18. [Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РФ](#)
19. [Моральный кодекс полиции США](#)
20. [Этика полицейского ФРГ](#)
21. [Кодекс деонтологии национальной полиции Франции](#)
22. [Положение об этических принципах полицейской службы Великобритании](#)

1. Предмет этики права

Сегодня в нашем обществе возрождается интерес к человеку. И этика, и право становятся дисциплинами человековедческими. Человек — вот что их объединяет. На этом фоне естественным образом возникают новые направления научного анализа, как философия права или связанные с разработкой практического права (такие направления, как частное право, региональное право и т.п.). Обращение к философии права — это попытка увидеть место права в жизни современного человека. Философия права — это наука о познавательных ценностных и социальных основах права, учение о смысле права, то есть о том, в результате каких универсальных причин и ради каких универсальных целей человек устанавливает право.

Этика права — это в определенной мере есть и философия права. В тоже время этика права имеет свои особенности. Философия претендует на объективный обзор различных школ и направлений, некий взгляд со стороны, охватывающий всю совокупность правовых теорий и их мировоззренческих оснований. Этика права выбирает лишь один аспект. Он состоит, во-первых, не в рассмотрении права, а в рассмотрении *человека в праве*, во-вторых, в анализе *ценностного отношения* человека к праву. Это отношение предполагает такую оценку человеком правовых реалий, которая всегда индивидуально избирательна и внутренне свободна, оценку, которая носит нравственный характер и связана с представлением человека о свободе, справедливости, добре и зле, о долге перед другими и перед собой.

Из двух позиций в понимании права — объектоцентристской и субъектоцентристской — этика принципиально выбирает вторую. То есть субъектоцентризм этики права исключает другие подходы: интересы субъекта здесь — главное (некоторым аналогом такой постановки проблемы является назначение или роль адвоката в судебном процессе: адвокат принципиально на стороне подсудимого).

Объектоцентристский же подход понимает человека в качестве зависимой переменной, определяемой возможностями, заложенными в праве. Человек в этой парадигме по-прежнему объект воздействий извне, которому "дают" свободу действий, права или "не дают".

Прежде чем дать определение предмета этики права, приведем определения предмета этики и предмета права. Что есть мораль? Ответ на этот вопрос будет различен в зависимости от того, какую позицию занимает исследователь — объектоцентристскую или субъектоцентристскую,

Объектоцентристское мировоззрение рассматривает человека как результат естественноисторического процесса. В соответствии с этой точкой зрения развитие человека определяется условиями (экономическими, политическими, техническими). Высшей фазой такого развития является разум человека, на который общество возлагает большие надежды. При таком подходе трудно объяснить многое. В эту схему не вписывается человек нестандартный. С этих позиций невозможно понять: почему история нередко дегуманизирует человека, почему человек плохо адаптируется к наличным социальным условиям, почему он не терпит нивелировки и бесконфликтного счастья и многое другое.

Субъектоцентристское мировоззрение воспринимает человека иначе. В этой парадигме человек содержит в себе все тайны бытия. Нельзя познать человека только рациональными методами. Он есть микрокосм, его мир не имеет четких очертаний. История есть "авантюра" саморазвития человека, сама объективная реальность есть результат развертывания внутренних сущностных сил человека.

Обращаясь к предмету права, необходимо иметь в виду, что в литературе о праве имеются, как минимум, два его понимания: в широком и в узком смысле слова. В широком смысле слова право охватывает такие проявления, как обычай (обычное право), религию (каноническое право), естественное право, позитивное право, живое право и другие. В узком смысле право понимается как совокупность норм и законов, освящаемых государством. Иными словами, фактически сложилось две традиции в определении права. А. А. Гусейнов так определяет особенности морали:

а) она характеризует способность человека жить сообща и представляет собой форму отношений между людьми;

б) моральный закон не допускает разведение субъекта и объекта действия, то есть прокламировать мораль и практиковать ее самому — это один неразрывный процесс;

в) мораль — это тяжелый груз, который человек добровольно взваливает на себя. Мораль — это такая игра, в которой человек ставит на кон самого себя. Сократ был принужден выпить яд, Иисус Христос был распят, Джордано Бруно был сожжен, Ганди был убит. Таковы ставки в этой игре.

Законы могут быть жестоки, аморальны, бездушны по отношению к отдельным категориям людей. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем проанализировать мораль и право в их взаимовлиянии, то есть сначала посмотреть, как *право* отражается на представлении о нравственных ценностях и моральных нормах, а затем — как *мораль* воздействует на право.

Мораль рождается на определенном этапе человеческого общества или развития человеческого индивидуума, то есть в филогенезе и онтогенезе. Ей предшествуют две ступени становления человеческого "Я":

а) *Ступень культа*, означающего единство человека с миром, неотделенность его от мира и от других людей, единство мироощущения с другими, проявляющееся в феномене "Мы":

б) *Ступень культуры*, отбора культурных форм в условиях разнообразия человеческой деятельности и человеческих индивидуальностей; здесь формируются естественные нормы человеческих взаимоотношений, которые мы называем нравственностью (от слов: нрав, обычай); формируются основные нравственные ценности: свобода, добро, зло, справедливость. Заканчивается эта ступень становлением

цивилизации.

в) На *ступени социума* ценности добра, зла, свободы трансформируются в социальное понятие долга, социализируются в конкретном обществе и становятся уже социальными и правовыми нормами. При этом их нравственное начало элиминируется, постепенно отмирая. Если на предыдущей ступени мы могли говорить об *этике гуманистической* (от слова *humanité* — фр.— человеколюбие), то на данной — мы говорим уже об *этике социальной*. Ее отличие в том, что она подчинена не интересам отдельного, частного человека, а интересам социума. Человек в этой этике выступает в качестве объекта воздействия на него со стороны общества или иного социума (части общества или какого-либо социального института).

Социальная этика обращена, прежде всего, к внешней стороне поведения человека, его этикетному имиджу. Она прямо предполагает разрыв внутреннего и внешнего в человеке, чем лишает его свободы почти совсем. В связи с этим внутренний конфликт между индивидуальными сентенциями и внешним давлением на человека настолько нарастает, что это начинает проявляться и в конфликтах.

Таким образом, право в его современном понимании возникает довольно поздно, в условиях зарождения цивилизации (в Риме). Оно появляется тогда, когда человек становится личностью в системе усложняющихся внешних социальных взаимодействий. При этом его человеческое индивидуальное начало все более уходит в тень, в мир интимных, дружеских отношений, собственного творчества, где и востребуется еще нравственная норма, ценность. Право же завоевывает позиции, вытесняя все другие регулятивные механизмы, становясь юридическим законом, возвышающимся над всем: обычаем, религией, искусством, культурой, моралью. Так называемый юридический социологизм скрупулезно "учитывает" и то, что можно почерпнуть из открытий социальной психологии, антропологии, биологии человека, из технических изобретений, демонстрируя современную всеядность, всепроницаемость права, закона.

Конфликт правового и нравственного обостряется в эпохи тоталитарного насилия над человеком, в эпохи, когда интересы государства входят в вопиющее противоречие с естественными ценностями человека. Выход из конфликта — в изменении права (как искусственной конструкции), в приспособлении его к человеку, в создании ситуации, когда интересы человека первенствуют перед интересами государства, которое служит только средством, инструментом, обеспечивающим максимум возможностей для самореализации человека.

2. Особенности и социальные функции этических категорий

Как и всякая наука, этика располагает богатым арсеналом категорий. Именно они наряду с законами, принципами, методами составляют основу содержания любой науки. Само слово «категория» греческого происхождения. Им обозначаются наиболее общие понятия, отражающие существенные стороны действительности. Это — узловые пункты человеческого познания.

По аналогии можно сказать, что категории этики — это наиболее общие понятия, отражающие самые существенные стороны и моменты морали и составляющие теоретический аппарат этики как науки. Категории этики — это образования духовного, идеального порядка, которые и существуют, оформляются на теоретическом уровне нравственного сознания. Они есть не что иное, как субъективное отражение нравственной стороны бытия и представляют собой систематизированное, научнообоснованное, теоретическое знание о морали как социальном явлении.

Вместе с тем следует сказать, что отражение моральных явлений осуществляется не только на теоретическом, но и на уровне обыденного сознания в виде конкретных чувств, представлений, симпатий и антипатий, иллюзий и т.п. При этом и на том, и на другом уровнях отражаемое фиксируется в одних и тех же словах. Например, есть категория долга, а есть и представление индивида о том, что такое долг.

Говоря о категориях этики, следует сказать и о том, что они выполняют и некоторые «служебные» функции самой науки. Во-первых, они являют собой бесконечные ступеньки познания морали как сферы общественных отношений. Во-вторых, категории этики представляют собой своеобразный инструмент познания. В-третьих, этические категории — это форма движения, развития морального познания от сущности первого порядка к сущности второго порядка и так далее.

Имея много общего с категориями других наук, этические категории обладают и некоторыми особыми чертами. Во-первых, они отражают ту сторону общественных отношений, которая связана с поведением людей, с их отношением друг к другу, к обществу, государству, семье, к коллективу с точки зрения добра и зла, долга, чести, справедливости. При этом они не всегда выступают в чистом виде, а переплетаются с категориями других наук, высвечивая в них именно нравственный аспект.

Во-вторых, категории этики носят оценочный, аксиологический характер. Другими словами, их всех можно оценивать с точки зрения добра и зла, хорошего или плохого, а сами они могут выступать формой этой оценки: человек долга, честный, порядочный, справедливый, ответственный и т.п.

В-третьих, они являются средством регулирования взаимоотношений и поведения людей, как определенная побудительная сила, выражая нравственные требования общества с позиций сущего или должного.

В-четвертых, авторитет и значимость категорий этики, равно как и всех других нравственных образований: принципов, норм, требований, правил и т.п., базируются на силе общественного мнения или самосознании личности.

Наконец, в-пятых, в категориях этики и особенно в близких к ним понятиях морали, в значительно большей степени, чем в категориях и понятиях других наук, выражена эмоциональная сторона общественных отношений.

Категории этики, как уже говорилось выше, объективны по содержанию и субъективны по форме. Объективность содержания означает, что в нем сконцентрировано то, что есть в реальной жизни и не зависит от сознания людей. Но оно, это содержание, может по-разному оцениваться людьми. Эта оценка зависит от целого ряда факторов: интеллектуального развития личности, ее нравственной культуры, а также от образа жизни. Именно этим объясняется то обстоятельство, что нравственная оценка одного и того же жизненного события разными людьми часто бывает различной.

Как уже отмечалось, этические категории весьма многочисленны, поэтому в интересах науки и практики их принято классифицировать. Одни ученые делят их на структурные и субстанциональные (сущностные). Другие кладут в основу иной принцип: всю классификацию строят на основе одной из категорий, которая рассматривается как функциональная. Например, Эпикур подчинял все категории этики категории счастья. Аристотель главной считал категорию блага, а Кант — категорию долга. Впрочем, нет единого взгляда на этот счет и в наше время. В отечественной этике всю совокупность категорий часто делят исходя из структуры морали. В качестве основных элементов этой структуры некоторые авторы выделяют моральную практику, моральное сознание и нравственное самосознание. Однако более традиционной является позиция, согласно которой мораль включает в себя моральное сознание, нравственные отношения и нравственную деятельность. Принципиальной разницы между этими позициями нет, поскольку во втором случае моральное сознание включает и самосознание, а нравственные отношения и нравственная деятельность в совокупности составляют нравственную практику.

Моральное сознание в значительной степени определяет нравственное поведение, дела и поступки личности; в свою очередь, только реальная нравственная практика является критерием истинности нравственных установок сознания. Например, категория долга, ее осознание личностью могут быть проверены только практикой. Простое понимание должного, не подкрепленное соответствующими реальными действиями, — пустой звук. Так, заявляя о своей приверженности требованиям служебного долга, молодой офицер в то же время отказывается ехать по распределению в отдаленную или «горячую» точку, хотя он, безусловно, понимает, что тем самым вступает в противоречие со своими заявлениями.

Категории этики так тесно связаны между собой, что они как бы аккумулируют в себе содержание друг друга. Дело обстоит таким образом, что содержание одной из них, как правило, раскрывается через

использование других. Например, категория чести может быть понята только через привлечение таких категорий, как достоинство, ответственность, честность, тщеславие, порядочность, правдивость и т.д. Категория мужества раскрывается с помощью категорий: великодушие, самоотверженность, терпение, смелость, храбрость и др. Категория справедливости не может быть понята без таких категорий, как человеколюбие, правдивость, милосердие, почитательность, трудолюбие, беспристрастность, признательность и т.п.

Вернемся, однако, к более подробному рассмотрению категорий выделенных выше трех групп. Первая группа — это категории собственно морального сознания. К ним относятся: моральный принцип, моральная норма, моральная или этическая категория, моральное убеждение, нравственная цель, моральный выбор и т.п.

В принципе можно утверждать, что все категории этики являются и категориями морального сознания, ибо какие бы стороны морали они не отражали — все они фиксируются в моральном сознании. Сущностные категории морального сознания: добро, зло, долг, честь, достоинство, совесть и другие занимают центральное место в системе категорий, но их нельзя отрывать от нравственных отношений и моральной практики, ибо в этом случае они теряют свою земную точку опоры и превращаются в пустые абстракции. Простое морализирование, оторванные от жизни разговоры о добре и зле, справедливости и несправедливости мало чего дают. Более того, они ведут к ханжеству, демагогии, равнодушию. И наоборот, если категории морального сознания отражают реальные отношения и действия, активно воздействуют на них, то, несомненно, они помогают лучше понять суть происходящего.

Категории второй группы — это категории нравственных отношений. К ним можно отнести такие, как нравственное взаимодействие, нравственный конфликт, моральный авторитет, моральная репутация и др. По своей функциональной роли нравственные отношения есть выражение взаимодействия моральных субъектов. Эти отношения и оцениваются как нравственные потому, что они характеризуются теми или иными моральными оценками: дружественными, товарищескими, доверительными, уважительными, лицемерными, злобными, враждебными и т.п.

Наконец, это категории моральной практики или функционально-поведенческие. В них находит выражение процесс реализации личностью тех или иных нравственных качеств на практике, в обыденном, повседневном поведении. К такого рода категориям, например, относятся: моральный (или аморальный) поступок, моральное воздаяние, моральные последствия и санкции. Через них материализуются такие категории нравственного сознания, как моральный долг, честь, достоинство, героизм или трусость, справедливость или несправедливость, верность или измена, благородство или низость, великодушие или жестокость и т.п.

В категориях данной группы раскрывается, в конечном счете, назначение морали как регулятора человеческих отношений. Рассмотренные особенности, классификация и сущность этических категорий имеют не только теоретическое, но и общеметодологическое значение. Без них, в частности, невозможен анализ профессионально-этических категорий, ибо они по сути дела являются конкретизацией категорий общей этики. Набор этих категорий достаточно велик, но мы остановимся только на анализе самых существенных из них, поскольку они занимают большое место в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

3. Профессиональный долг и честь

Категория долга — одна из важнейших в этике вообще и среди категорий профессиональной этики в особенности. Сферу морали с достаточным основанием именуют сферой должного: будь добрым, будь честным, будь справедливым. Будь! В долге, как ни в какой другой категории силен обязательный побудительный момент. Он не только четко формулирует саму идею, но и придает ей повелительный характер: зовет, требует, настаивает на ее претворении в жизнь. Быть человеком долга — значит не только знать его сущность, его требования, но и следовать этим требованиям на практике.

Многие из великих высоко ценили чувство долга. И. Кант писал, что долг — это именно то великое, что возвышает человека над самим собой. «Не забывай долга,— как бы вторит ему А. Блок,— это единственная музыка. Жизни и страсти без долга нет».

Областью, в которой категория долга получила особенно большое признание, издавна были сферы военной и правоохранительной деятельности. Именно в этих сферах деятельности долг, действительный или мнимый, использовался и используется как крайне действенная движущая людьми сила. Поэтому нередко при преследовании узкопрагматических или карьеристских целей возникает соблазн демагогического манипулирования этой категорией. Разобраться, где долг истинный и где ложный — дело не такое простое.

Служебный долг сотрудника правоохранительных органов, будучи составной частью общественного долга, является нравственным в его объективном и субъективном выражении. Моральная ценность объективного содержания долга состоит в том, что он подчинен решению самой высокой и справедливой задачи: защиты прав и свобод личности, обеспечению безопасности своей страны, укреплению правопорядка. Однако потенциальные возможности воинского долга могут проявиться только в том случае, если они дополняются субъективно нравственным отношением к нему, когда общественные обязанности воспринимаются и осознаются как личные, как глубинная потребность и убеждение в справедливости и правоте дела, которому служишь.

Долг сотрудника правоохранительных органов — это высокая и почетная обязанность, вытекающая из объективных потребностей защиты личности, общества и государства, освященная государственно-правовыми требованиями и внутренними нравственными побуждениями.

Совпадение доминирующего желания с долгом есть своеобразный апофеоз нравственности. Соотношение объективных требований долга и желаний рассматривается разными учеными по-разному. Некоторые считают, что вообще между должным и желаемым нет противоречий. Однако каждый человек даже эмпирическим путем приходит к выводу, что это далеко не всегда так. Конечно, личное осознание общественно должного как собственное требование сокращает дистанцию между должным и желаемым, между должным и сущим. Это сближение может быть несомненным, но оно никогда не бывает абсолютным и никогда не стирает определенные противоречия между должным и желаемым. Вместе с тем неверна и другая крайность, когда долг и желаемое рассматриваются как вечные противоположности, как два полюса, как два взаимоисключающих стремления. Этот крайний взгляд возможен тогда, когда долг выступает как нечто внешнее, чуждое, внутренне невоспринятое. Истина, как это часто бывает, лежит посередине. Долг и желание — не исключают друг друга противоположности. Они могут очень сильно сближаться или расходиться, но никогда практически не исключают друг друга. Задача руководителей, воспитателей и состоит в том, чтобы сотрудники правоохранительных органов видели эту диалектическую связь между долгом и желанием. Долг — это требование общества, коллектива, желаемое — атрибут личности. Важно осознать, что, в конечном счете, долг работает на достижение желаемого, а желаемое при его правильном понимании ведет к более успешному выполнению долга. Человек с высоко развитым чувством долга может подняться над своими субъективными желаниями и страстями, подчинить всего себя требованиям долга, которые как бы растворяют в себе все личное. Таким образом, должное становится могучим, несокрушимым желанием, превращается из внешнего во внутренне побуждение личности. Разлад между долгом и устремлениями и соблазнами личности, между долгом и чувством самосохранения ведет не только к провалу порученного дела, но и к самым серьезным последствиям для сотрудника правоохранительных органов, вплоть до гибели. Исковерканная жизнь может стать ценой минутного сомнения и необходимости исполнения служебного долга, в справедливости порученного дела.

Нравственность охватывает практически все отношения между людьми, их отношения к государству и обществу. Те же требования, которые предъявляются государством и обществом к человеку в его повседневной жизнедеятельности, нравственность отражает и закрепляет в нормах общежития, соответствующих определенному идеалу. Нормы морали, воспринятые личностью, становятся ее внутренним побуждением, овладевают чувствами, приобретают силу привычки. Общественная мораль способствует дальнейшему укреплению общественного и государственного строя, формирует активную личность. В процессе формирования личности на нее оказывает влияние оценочная и нормативная сторона морали. Если оценочная сторона сконцентрирована в добре и справедливости, то нормативная — главным образом в долге. Долг — это фокус, через который вся совокупность моральных норм непосредственно связывается с практической деятельностью людей. В этом фокусе соединяются в единое целое исходное и производное, оценочное и нормативное, достигнутое и перспективное. В нем теория преобразуется в практику, идея добра и справедливости — в могучую материальную силу, моральные принципы и нормы

— в реальные действия и поступки. В долге непосредственно проявляется активная природа морали. Она не только придает четкую оформленность идее и целям, но и побуждает, требует их достижения. Общественный долг, следовательно, можно назвать действующим сознанием. Он позволяет лучше всего охарактеризовать нравственность личности, так как о людях и их нравственных достоинствах и недостатках судят прежде всего по действиям, поступкам.

Отношение к общественному долгу характеризует не только личность, но и коллектив, и духовные силы общества в целом. В правоохранительных органах придается первостепенное значение долгу как непосредственному регулятору деятельности их сотрудников. Механизм поведения сотрудников правоохранительных органов, суть нравственных отношений в их коллективах основываются на трех важнейших факторах:

— зависимости сотрудника от коллектива, государства и общества, его заинтересованности в общественной поддержке и одобрении, находящую эмоциональное выражение в чувстве и муках совести;

— определенной свободе, независимости сотрудника, которая выражается в возможности выбора той или иной линии поведения в пределах объективно определенного спектра возможностей;

— ответственности сотрудников за результаты и возможные последствия «свободы» своих действий, т. е. обязанности каждого отдельного сотрудника быть готовым ответить за свой моральный выбор в рамках нравственных норм, формируемых коллективом и обществом.

Нравственный долг сотрудников правоохранительных органов имеет объективную и субъективную стороны. Объективное определяется потребностью защиты безопасности государства и общества, обеспечение прав и свобод его граждан. Субъективное представляет четко сформированные задачи, поставленные государством перед правоохранительными органами: сознательность и ответственность сотрудников при выполнении возложенных на них задач по укреплению правопорядка, защите безопасности государства и общества, прав и свобод его граждан; готовность и способность каждого сотрудника осознать требования нравственного долга, свое место и роль в общем деле, определить свое внутреннее отношение к долгу, предъявить высокие требования к самому себе.

Определенные задачи правоохранительных органов становятся добровольной и целенаправленной деятельностью, так как они воспринимаются сотрудниками как справедливые и истинные. Внутренний побудительный мотив органически входит в самую суть нравственного долга каждого сотрудника правоохранительных органов как источник его нравственных сил.

Следует заметить, что требования общественного долга едины для всех членов общества. Однако труд сотрудников правоохранительных органов особый. Специфика требований долга обусловлена характером задач, стоящих перед сотрудниками, особенностями организации, своеобразием условий, в которых протекает их деятельность. Эта организация требует особой ответственности, собранности и напряжения нравственных и физических сил.

В силу специфики организации правоохранительных органов нравственные отношения в них регламентированы нормами права более детально, чем в других сферах гражданской жизни, т. е. в значительной своей части носят деонтологический характер. Поэтому долг не столько пожелание, сколько требование государства и общества, и его веления должны быть выполнены. Нравственное содержание долга подкрепляется правовыми требованиями, имеющими силу закона. Через нравственную основу долга раскрываются высокие качества — исполнительность и разумная инициатива, самоотверженность и мужество, достоинство и честь, активное отношение к общественным обязанностям.

Все отношения, которые прямо выражают и закрепляют профессиональный долг, обладают нравственным и правовым авторитетом. Отступление от норм морали, как правило, всегда является одновременно и нарушением юридических норм. В требованиях юридически оформленного профессионального долга, выраженного в присяге, уставах, наставлениях, инструкциях, вместе с тем заключены моральная оценка и правовая норма. В сфере профессионального долга нет юридических требований, которые были бы лишены моральной силы, как нет и нравственных норм, лишенных правовой активности.

Но в правовых актах, регулирующих деятельность правоохранительных органов, взаимодействие и взаимопроникновение этих двух видов общественных требований более тесное и глубокое. Правовые и нравственные нормы, регулирующие правоохранительную деятельность, обеспечивают высокий уровень организованности, четкости и дисциплины. Профессиональный долг обладает активной мобилизующей силой, наполняет дела и мысли сотрудников стремлением исполнять свою работу четко и в срок, всю силу воли направить на достижение поставленных целей.

В профессиональном долге нельзя категорично разграничивать правовые и нравственные требования. Специфическим качеством правовой стороны, как известно, является возможность высшего контроля, пусть даже потенциального, вероятность применения административной санкции, наказания в случае невыполнения предписания. Моральные же нормы реализуются на основе внутренней убежденности, веления совести, под влиянием силы общественного мнения. Здесь же оба этих «компонента» сливаются воедино.

Следовательно, профессиональный долг представляет собой единство правовой и нравственной сторон, так как моральные требования совпадают с государственной волей. Правовая санкция и моральный мотив имеют различия в характере их воздействия на сознание и волю сотрудников правоохранительных органов. Если право более оперативно, то действия, совершаемые по внутреннему убеждению, моральному мотиву,

обладают основательностью, устойчивостью, постоянством, но необходимо время, чтобы ранее подготовленный в моральном отношении сотрудник совершал поступки в строгом соответствии с нравственными принципами. Правовая санкция действует немедленно, по мере необходимости, с применением государственного принуждения к отдельным сотрудникам. Нравственные требования распространяются на все многообразие человеческих поступков. Они наиболее подвижны с точки зрения отражения и оценки изменений в отношениях сотрудников.

Важной составляющей нравственного долга является самодисциплина. Ни сила правового воздействия, ни влияние коллектива сами по себе, если они не вполне совпали с внутренними личными побуждениями, убежденностью, совестью и страстью, еще не могут быть прочной гарантией того, что в процессе оперативно-служебной деятельности сотрудник сохранит твердость характера и не будет деморализован. Необходима такая высокая ступень развития нравственного отношения к долгу, когда ни один поступок не совершается вопреки самосознанию, а выполнение долга подкрепляется велением совести, когда дисциплина, как главное выражение профессионального долга, становится самодисциплиной. Дело в том, что самодисциплина есть осознанная необходимость исполнения требований профессионального долга, внутренняя заинтересованность, готовность согласовывать свои действия с требованиями профессионального долга. Внутренняя готовность следовать требованиям присяги, уставов и своих руководителей, осознаваемая как внутренние побуждения, как необходимость, — это самая высокая мера ответственности, готовность выполнить профессиональный долг не по принуждению, а по совести, добровольно. Установление гармонических отношений между требованиями долга и личными моральными мотивами, между долгом и совестью ведет к тому, что общественная дисциплина как требования долга поднимается до самодисциплины. Долг превращается в нравственную потребность. Поэтому самодисциплина есть высоконравственное поведение, которое совершается на основе сближения долга и совести.

Однако осознание общественной необходимости профессионального долга лишь одна сторона самодисциплины. Ее второй стороной является свобода воли, свобода выбора действий в рамках безусловного выполнения поставленной задачи. Исполнительность только тогда придает размах деятельности, когда дополняется инициативой, готовностью взять на себя всю полноту ответственности за самостоятельное решение. Вместе с тем отсутствие инициативы снимает нравственную ценность исполнительности, а инициатива без исполнительности — произвол, который нередко пытаются представить как риск. Разумный риск вытекает из общих интересов, верности долгу. Произвол же — жест отчаяния, индивидуализма и эгоизма.

Следует обратить внимание на то, что практические задачи формирования нравственных отношений в правоохранительной деятельности требуют решения проблемы морального критерия деятельности сотрудников. Определение критерия моральной оценки выполнения профессионального долга требует исследования вопросов деятельности и мотивов поведения сотрудника и служебного коллектива. Нравственным мерилom профессионального долга являются не слова, а дела, практическая сфера, которая образуется из отношений к государству и обществу, и сотрудников друг к другу. Хорошо известно, что высокие морально-патриотические и профессиональные качества сотрудников формируются в основном в процессе их активного участия в профессиональной и общественной деятельности.

В понятие нравственного критерия выполнения профессионального долга сотрудниками правоохранительных органов входят не только его практические результаты, но и мотивы деятельности. Ни объективные последствия деятельности (ее результаты), ни субъективные побуждения (мотивы деятельности) в отдельности не дают ответа о нравственной ценности выполнения профессионального долга. Чтобы это осуществить, важно выяснить степень ответственности сотрудника за выполнение поставленной задачи и осознания ее служебно-деловой важности, а также степень учета им реальных возможностей решения задачи и последствий его действий. Кроме того, нравственная оценка конкретного поведения сотрудника предполагает учет его предшествующей деятельности.

Моральный критерий профессиональной деятельности ориентирует на максимальные возможности развития нравственных сил сотрудников и основывается на углублении субъективной стороны профессионального долга.

К числу наиважнейших категорий профессиональной этики относится категория чести. Профессиональная честь — это признание общественным мнением и осознание самими сотрудниками правоохранительных органов высокой социальной ценности (нужности и важности) самоотверженного выполнения своего долга. Чувство чести — это мощный движитель дел и поступков сотрудников правоохранительных органов.

Категория чести очень близко примыкает к категории достоинства. Эти категории практически совпадают по своему объективному содержанию, но различаются по форме. Оценка чести — это оценка общественного мнения, а оценка достоинства — это, прежде всего дело самой личности. Безусловно, что и последняя оценка происходит не в отрыве от общественного мнения, просто в данном случае акцент переносится на собственную самооценку, которая опять-таки базируется на осознании своих заслуг перед обществом и своей личной самооценки.

Сотрудники правоохранительных органов в своем большинстве — люди чести. Она проявляется у них прежде всего в выполнении ими своего служебного долга. Его специфика в том, что и в мирное время выполнение долга требует мужества, выдержки, а порой и самопожертвования. Как правило, они не говорят о своем высоком предназначении, о постоянной опасности, сопровождающей их при выполнении долга. Они его просто исполняют, и люди им благодарны за это.

Честь сотрудника правоохранительных органов неотделима от чести коллектива, подразделения, в котором он несет свою нелегкую службу. Поэтому он не может позволить себе ничего такого, что позорило бы своих товарищей по службе. Честь коллектива — это и его честь. Здоровое честолюбие — не чуждое чувство для сотрудника правоохранительных органов. Правильно понимаемое честолюбие не вредит общему делу, а, наоборот, придает дополнительные силы для его выполнения. Другое дело, когда честолюбие гипертрофировано, перерастает в карьеризм, когда человек готов использовать самые грязные средства для достижения своекорыстных целей.

Сплав чести сотрудника и чести коллектива порождает чувство гордости, то есть моральной удовлетворенности сотрудника правоохранительных органов от осознания своей принадлежности к ним. И хотя авторитет правоохранительных органов за последние годы в общественном мнении значительно снизился, все же вся система правоохранительных органов в народе рассматривается как необходимая и в целом оценивается положительно. Долг сотрудника постоянно поднимать авторитет правоохранительных органов в глазах общественного мнения и возрождать лучшие традиции, которые у них несомненно, были. Кстати, честь сотрудников органов правопорядка проявляется и в отношении к хорошим традициям. Забвение их или тем более втаптывание в грязь должно встречать в служебной среде суровое осуждение. Традиции — это не просто история, а могучее средство воспитания молодого поколения людей, стоящих на страже общественного порядка.

В то же время следует подчеркнуть, что опора на традиции предполагает их развитие, движение вперед. В народе справедливо считают, что старая слава новую любит. Честь сотрудников правоохранительных органов требует от них движения вперед, овладения современной техникой и новейшими приемами и методами для выполнения своих профессиональных обязанностей. В этом смысле важно изучать опыт работы и достижения правоохранительных органов других стран. Это укрепляет и возвышает честь и достоинство наших правоохранительных органов, помогает более эффективно выполнять свой служебный долг.

Наконец, еще об одной составляющей категории чести — верности данному слову. Человек слова! Это такое важное качество человека, что иногда оно даже отождествляется с понятием чести. Дал слово — сдержи его, пообещал что-то — выполни. В противном случае тебя перестанут уважать и просто назовут болтуном, лжецом, необязательным человеком. Ничто так не подрывает чести сотрудника органов правопорядка, как нарушение данного слова, отступление от него. В конце концов, он неизбежно теряет авторитет, и его ждет неотвратимое фиаско.

Категория чести, как следует из вышеизложенного, действительно одна из важнейших в нравственной культуре сотрудника правоохранительных органов. Дорожить честью — это долг и повседневная обязанность. Содержание чести как категории в значительной степени зависит от уровня общей культуры человека, его духовного и физического развития, умения мыслить по-государственному. Этому надо постоянно учиться.

4. Добро и зло

Понятие "мораль" имеет смысл только при противопоставлении ее инстинктивному, импульсивному поведению, с одной стороны, и рациональному расчету, нацеленному на получение строго определенного результата, с другой. Самые первые моральные заповеди: "Поступай по отношению к другим так, как ты желал, чтобы они поступали по отношению к тебе" (золотое правило нравственности) или принцип любви: "возлюби ближнего своего, как самого себя" — требуют от человека следования добродетели.

Добро и его антипод зло в самом абстрактном подходе тождественны нравственности и безнравственности. В понятии добро люди выражают свои наиболее общие интересы, устремления и пожелания, надежды на будущее. Добро — то, что служит сохранению и развитию жизни. Зло есть то, что уничтожает жизнь или препятствует ей. Все добродетели и пороки, с которыми имеет дело этика, имеют относительный смысл. Например, смирение, вызванное страхом или компенсирующее подавленное высокомерие, теряет свою ценность, а высокомерие как выражение неуверенности и самоуничтожения не является пороком. Добродетельный или порочный характер, пишет Э. Фромм, а не единичные добродетели или пороки — вот подлинный предмет этического исследования.

Хотя добродетельный человек может создавать полезные вещи, произведения искусства и системы мысли, но куда более важным предметом добротворения является сам человек. Если физический рост происходит сам по себе при наличии надлежащих условий, то процесс рождения на уровне нравственности не происходит автоматически. "Трагедия человеческой ситуации,— пишет Э. Фромм,— отчасти в том, что развитие никогда не бывает полным. Человек всегда умирает прежде, чем успевает полностью родиться". В этом и суть назначения человека.

Добродетель можно определить, говорит Аристотель, принимая во внимание назначение человека. Добродетельный человек — это человек, своей деятельностью под руководством разума дающий жизнь присущим человеку возможностям. Добродетель у Спинозы идентична использованию человеком своих сил, а порок — пренебрежению своими силами, сущность зла — это бессилие. С учетом сказанного, можно дать предварительное определение "добра" не просто как общего этического понятия, обозначающего положительные социальные ценности, но как реализованную в поступках людей человечность.

Дальнейший анализ добродетели и пороков требует ответа на принципиальный вопрос: "Человек, добр он или зол?" Многие представители гуманистической этики отвечали на этот вызов настойчивым утверждением, что человек от природы добр и зло не является неотъемлемой частью его природы (Э. Фромм. Человек для себя. Минск, 1992 г.). Ярким проявлением концепции добродетельного человека является учение великого гуманиста XX века А. Швейцера о благоговении перед жизнью. Изложим основные его моменты.

Поистине нравственен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Для него священна жизнь как таковая. Он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка, не раздавит ни одно насекомое. Когда летом он работает ночью при лампе, то предпочитает закрыть окно и сидеть в духоте, чтобы не увидеть ни одной бабочки, упавшей с обожженными крыльями на его стол (А. Швейцер. Благоговение перед жизнью. М., 1992 г., с. 218).

Этика благоговения перед жизнью не считает, что людей надо осуждать или хвалить за то, что они чувствуют себя свободными от долга самоотрешения ради других людей. Она требует, чтобы мы в какой угодной форме и в любых обстоятельствах были людьми по отношению к другим людям. Ты счастлив, поэтому ты обязан пожертвовать многим. Все что дано тебе в большей степени, чем другим — здоровье, способности, талант, успех, богатство и др.— все это ты не должен считать само собой разумеющимся. Ты обязан отплатить за это. Ты обязан отдать силы своей жизни ради другой жизни (А. Швейцер, там же, 225).

Но реальная жизнь полна компромиссов, чтобы сохранить свою жизнь, я должен оградить себя от других жизней, которые могут нанести мне вред. Я добываю себе пищу путем уничтожения растений, животных. Мое счастье часто строится на вреде другим людям. То, что в действительности отнюдь не является этическим, а только смесью жизненной необходимости и этики, люди часто выдают за этическое.

Гуманистическая этика не признает и не оправдывает этот компромисс. Она признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни. Всякое отступление от этого, независимо от того, при каких условиях это произошло, она характеризует как зло. Человек должен каждый раз сам решать, в какой степени он может подчиниться необходимости нанесения вреда жизни, и в какой мере, следовательно, он может взять за все это вину на себя. Так нравственно закаляется человек. Итак, добро в гуманистической этике — это утверждение жизни, развертывание человеком своих сил. Добродетель — это ответственность за собственное существование. Зло лишает человека сил, порок — это безответственность по отношению к самому себе.

В истории этической мысли можно встретить различные концепции зла: от оправдания и апологии его до теории "меньшего зла". Среди них осевое место занимает религиозное учение о зле. Оно имеет прямое отношение к этике бизнеса. Если возьмем развитые очаги рынка (Запад и АТР), то нетрудно заметить господствующее влияние христианства и буддизма (в различных модификациях). Социологические исследования показывают, что евроамериканцы в качестве ключевых этических ценностей называют 10 заповедей христианства.

Согласно христианской концепции зло происходит не от бога, а от небытия, из которого бог создал мир. Мир в целом является благим и прекрасным, а зло в нем существует относительно: в виде недостатка, отсутствия, отрицания и небытия. В мире имеют свое место не только несовершенные вещи, вроде грязи, гнили, уродства, но и моральное зло — грех и грешники. Конкретное содержание греховных действий весьма разнообразно: ложь, блуд, лукавство, корыстолюбие, злоба, убийство, распри, обман, злонравие, клевета, обида, самохваление, гордыня, непослушание, вероломство, жестокость, идолослужение, пьянство, лихоимство, сквернословие, пустословие и т.д. Они представляют собою нарушения обще человеческих норм нравственности, а с точки зрения религии связаны с мифом о первородном грехе. "Не бог, а человек выдумал пытку, рабство, тюрьму, ружье и бомбу. Человеческая корысть и глупость, а не Божья воля породили нищету и непосильный труд. Мы — мятежники, которые должны сложить оружие (К. Льюис. Страдание.— "Этическая мысль". М., 1992 г., с. 411). Значительное место в христианском толковании зла занимает идея осуждения плотских влечений. Библейское наставление гласит: "Попечение о плоти не превращайте в похоти". Человеческая природа испорчена с грехопадения, каждое поколение проклято от рождения из-за непослушания первого человека, и только милость Божья, переданная через церковь и ее таинства, может спасти человека.

В отличие от христианства в исламе источником зла для человека не является другой человек. Адам для человека является его самость. Человек должен отказаться от самого себя и приблизиться к Богу. В современном мире идея человеческой никчемности и ничтожества нашла свое выражение в авторитарных системах (фашизм, социализм, автократия), в которых государство, партия, элита, автократ стали высшими правящими силами, а инвалид, признав свою собственную незначительность, должен был удовлетвориться покорностью и подчиненностью. Отсутствие реальной демократии и свобод, почти полное наличие вышперечисленных зол правители многих современных, так называемых "демократических государств", пытаются прикрыть дешевой демагогией о "воле народа". Действительно обман — грех, а злонамеренный обман — двойной грех.

Если зло реально существует, то перед гуманистической этикой возникает вопрос: как можно обуздать деструктивную сторону человеческой природы, не прибегая к запретам и авторитарным приказам?

Своеобразный ответ на этот вопрос дает Э. Фромм. С его точки зрения, следует различать рациональную и иррациональную ненависть. Реактивная, рациональная ненависть — это реакция человека на угрозу его собственной, или другого человека, свободе, жизни, идее. Она возникает как реакция на жизненную угрозу и исчезает, когда угроза устранена: она не противостоит, а сопутствует стремлению к жизни.

Иррациональная ненависть — это черта характера, непрерывная готовность ненавидеть. Ненавидящий человек, кажется, испытывает чувство облегчения и как бы счастлив, когда ему удастся найти удобный случай проявить свою затаенную ненависть. Ненавидеть можно и самого себя, это часто проявляется в виде жертвенности, чувства неполноценности, самобичевания, аскетизма. Индивидуальные и социальные условия, блокирующие жизнеутверждающую энергию, порождают деструктивность, которая в свою очередь становится источником, где берут начало разнообразные проявления зла. Из всего сказанного можно сделать вывод, что человек не обязательно зол, а становится злым только тогда, когда отсутствуют надлежащие условия для его роста и развития. Зло не обладает независимым существованием само по себе, оно есть отсутствие добра, результат неудачи в реализации жизни.

«...Святое право мысли и суждения. Ты божий дар! Хоть с нашего рождения Тебя в оковах держат палачи, чтобы воспарить не мог из заточья Ты к солнцу правды,— но блеснут лучи, И все поймет слепец, томящийся в ночи. « (Дж. Г. Байрон. Паломничество Чайльд — Гарольда).

Рассмотрение ключевой категории этики "добро" будет неполным без выяснения ее соотношения с понятием "польза". Последняя составляет конечную цель экономических устремлений людей. Тем более это важно для посттоталитарного общества, выходцы которого долгие годы воспитывались в духе аскетизма и уравниловок, где даже мысли о богатстве, наслаждении, успехе объявлялись дьявольскими.

Противопоставление добра и пользы имеет долгую традицию. Еще Аристотель в "Никомаховой этике" подчеркивает, что предметом этики не является просто благо, а наивысшее благо. В европейской этике различные мыслители проводили грань между моральной и утилитарной деятельностью (последнее с латинского переводится как "польза"). Но есть объединяющее как "добро", так и "пользу": оно означает положительные социальные ценности. Если добро более связано с целями человека, то польза — это характеристика средств, годных для достижения заданной цели. "Польза", "успех", "эффективность" — таковы основные понятия, которые означают достижение максимальных целей минимальными средствами. Такая полезная деятельность изучается специальной наукой — праксиологией.

Основоположник утилитаризма И. Бентам подчеркивал, что добродетель не противостоит пользе, поскольку интересы бывают разными, добродетель состоит в пожертвовании меньшим интересом ради большего интереса (Изб. соч., т.1, с.21). Основные ценности утилитаризма можно сформулировать в виде следующих афоризмов: "Стремись к успеху", "Исходя из своего интереса, извлекай из всего пользу", "В достижении целей используй оптимальные средства". Многое привлекает в таком человеке: дисциплинированность и решительность, независимость, готовность идти на риск, бережливость, дисциплинированность и т.д. Если не смешивать пользу с корыстью, принцип пользы предстает как важный механизм гармонизации частных интересов, более того, такой их синэнергетизации, которая

приближает к общему благу.

Конечно, нельзя абсолютизировать принцип полезности и выдавать его за идеал, за высшую добродетель. Принцип полезности, безусловно, противоречит абсолютной морали высшего гуманизма. Например, такие виды бизнеса, как производство алкоголя, табачных изделий, экологически вредной техники, являются полезным и для части населения. Вовлечение товаров и услуг в рыночные отношения как бы овеществляет их, оправдывает их экономически, хотя наличие некоторых видов товаров и услуг провоцирует и закрепляет дурные наклонности людей, калечит их, вредит нравственному здоровью общества.

Хотя принцип полезности противостоит высокой морали, но именно он, воплощаясь в общественных отношениях, создает для нее условия, полезность становится фактором гармоничного развития общества, раскрепощения сил и способностей живущих в таком обществе людей. Рассмотрение соотношения добра и пользы явно подталкивает нас к проблеме социальной и моральной справедливости.

5. Справедливость

Одной из форм конкретизации добра является справедливость. Она занимает исключительное место среди добродетелей, т.к. выражает меру ожидания, воздаяния общества человеку. Справедливость характеризуется и оценивается распределением блага и зла между людьми. Как оценка условий и способов существования человека справедливость тесно связана со смыслом жизни людей.

"Справедливость,— пишет Д. Роулс,— есть главная добродетель общественных институтов, подобно тому, как истина есть главный добродетель научных систем" (Д. Роулс. Теория справедливости — "Этическая мысль". М., 1990).

Общество тогда хорошо организовано, когда оно не только создано для предоставления благ людям, но и когда оно эффективно саморегулируется принципом справедливости. Как неистинная теория, несмотря ни на что, должна быть опровергнута, так и несправедливые общественные отношения должны быть упразднены или исправлены. Права, гарантированные справедливостью, не могут быть предметом политических спекуляций.

Понятие справедливость в то же время является относительным, конкретно-историческим. В первобытной культуре справедливость находилась вблизи табу, талиона в смысле "воздающего oka". Благополучие рода находилось под покровительством неписаных, вечных и установленных богами законов. Справедливость характеризовала надлежащее отношение к этим установлениям, освященным традициям. Плохо приходилось тому, кто на них посягал. Одним из ее выражений был институт родовой мести.

С переходом от родового строя к цивилизации воздающая справедливость сменяется ее более распределительным пониманием. На передний план выдвигается справедливость — равенство. Идеи "разделить всем поровну" и желание отличиться, получить побольше оказывали существенное влияние на все последующее моральное развитие человечества. И не только моральное. Под лозунгами справедливости и равенства свершались революции, бунты, завоевания. Под флагом "социальной справедливости" большевики истребляли богатых и предприимчивых людей Российской империи. Семь десятилетий номенклатура держала в своих руках рычаги распределения в СССР. Чтобы сделать возможным равенство, необходимо наделить какой — либо орган государственной власти правом централизованного управления общественным продуктом. Однако следование этой морали привело к уничтожению огромного количества людей и обнищанию основной массы оставшегося. "Кроме распределения продуктов,— пишет Ф. Хайек,— с помощью рыночной конкуренции мы не знаем никакого иного способа информировать индивидов о том, куда каждый из них должен направить свои усилия, чтобы его вклад в создании совокупного продукта оказался максимальным". (Пагубная самонадеянность. М., 1992, с. 16). Оборот "социальная справедливость" — это просто семантическая передержка, темная лошадка из той же конюшни, что и "народная демократия". Вся идея распределительной справедливости — каждый индивид должен получить соответственно своему нравственному достоинству — при расширенном порядке человеческого сотрудничества бессмысленна, размеры имеющегося продукта обусловлены в общем нравственно нейтральным способом распределения его частей.

«Я замечал,— пишет Ф. Хайек,— что определение "социальный" приставляется ко всему, что связано с уменьшением или устранением в различии доходов..., оно есть подталкивание к еще одному шагу в сторону "социальной справедливости" социализма. А между тем, это несовместимо с конкурентным рыночным порядком, а также с ростом и даже поддержанием существующей численности населения и достигнутого уровня богатства» (Пагубная самонадеянность. М., 1992, с.203). Также можно оценить и любимый в настоящее время казахстанский (и СНГ) термин "социально защищенная экономика".

Но несостоятельность абстрактного равенства и распределительной справедливости не означает обесценивание морального принципа справедливости. " В природе человеческого сознания,— утверждает Д. Белл,— схема моральной справедливости является необходимой основой для всякого социального порядка: ЧТОБЫ законность существовала, власть должна БЫТЬ оправдана. В конце концов, именно нравственные идеи — представление о том, что желаемо, формируют историю через человеческие устремления. (Д. Белл. Культурные противоречия капитализма. 1976, с. 433).

Сама идея о равенстве тоже не исчерпала свой гуманистический потенциал. В массовом сознании следует выделить три вида равенства: перед БОГОМ, перед моралью и перед законом. В теоретической мысли заслуживает интереса концепция "равенства возможностей". Требование "равенство результатов" означает радикальное перераспределение богатства в пользу малообеспеченных слоев, которое неизбежно нарушит баланс между распределением и экономическим ростом. Всякое значительное перераспределение дохода ведет к возрастанию потребления за счет уменьшения инвестиций и, следовательно, к замедлению темпов экономического роста. Еще Аристотель разграничивал "равенство по количеству" и "равенство по достоинству", и несправедливость возникает, когда к равным относятся, как к неравным и к неравным относятся, как к равным. Д. Белл считает, что неравенства должны соответствовать условиям жизни, социальному окружению, роду деятельности, наследству, которыми определяется место

индивида в обществе. Поэтому недопустимо говорить о неравенстве, скажем, врача и санитарки, рабочего и менеджера, ассистента и профессора и т. п.

Согласно Д. Беллу, надо признать неравенства между этими категориями граждан в социальном статусе, дохода и в авторитете в качестве неустранимого результата общественного труда в условиях естественного неравенства индивидуальных способностей. Единственным принципом распределения адекватным как по эффективности, так и по справедливости является следующий: каждому давать в зависимости от его личного вклада и в соответствии с полномочиями и привилегиями, присущими сфере его деятельности. Справедливы существующие неравенства, приносящие пользу людям. И каждому дается возможность достичь успеха в жизни.

Но в то же время общество не должно стремиться к резкому накоплению благ в руках одних и обнищанию и пауперизации остальных. Окаменению перегородок между общественными группами должны противостоять различные социальные действия. В наше время заметно усиливается роль государства в регулировании социально-экономических и моральных проблем. Отныне уже невозможно возложить ответственность за существующие неравенства на "беспристрастного слепого арбитра" — рынок. Возникает проблема обеспечения групповых прав аутсайдеров. Решение этих проблем позволяет идти прогрессу человечества по пути справедливости.

6. Счастье

Понятие "счастье" — одно из самых фундаментальных в этике. Не будет преувеличением сказать, что оно является также и одной из самых плодотворных социальных идей. Спиноза отмечал, что "счастье — не награда за добродетель, а сама добродетель, не потому мы наслаждаемся счастьем, что обуздали свои страсти, а наоборот, наслаждение счастьем делает нас способными обуздать их". Хотя счастье кажется человеку осязаемым представлением, оно полно глубинных противоречий и ипостасей. В истории этики наблюдается многоголосица суждений, пестрота мнений и текучесть взглядов о сути счастья.

В истории культуры сложилась прикладная этическая дисциплина о счастье — фелицитология. Назовем ряд важных фелицитарных сочинений: "Никомахова этика" Аристотеля, "О счастливой жизни" Сенеки, "Трактат о счастье" Фомы Аквинского, "Философское утешение" Боэция, "О счастливой жизни" Августина Блаженного, поэма "Счастье" Гельвеция, "Эвдомонизм" Л. Фейербаха, "О свободе" Дж. С. Милля, "Человек для себя" Э. Фромма, "О счастье и совершенстве человека" В. Татаркевича и др. Не только обширны произведения на эту тему, но и совершенно противоположны взгляды авторов.

Одни утверждают, что счастье в любви. Но столь же верно, что любовь — скоротечна. Счастье — в молодости? Но Цицерон утверждает, что старость — счастливее. Многим кажется, что счастье в удовлетворении желаний? Но разве не прав тот, кто опасается пресыщения и равнодушия? Тогда может быть, дружба? Но "избегай друзей, враги менее опасны". Знание? Но "кто приобретает знание, тот приобретает печаль". Слава? Но "не ищи славы, ибо тогда любой лстец найдет тебя". Парадоксы счастья многолики.

Но это не означает, что счастье неуловимо и не поддается теоретическому анализу. В. Татаркевич считает, что под счастьем люди имеют в виду не одно и то же. Есть, по крайней мере, четыре понятия счастья. Самое распространенное в массовом сознании: счастье — это удача, случай, судьба, то, что от нас не зависит ("птица счастья"). Второе — счастье как радость, наслаждение и удовольствие в жизни. Третье — счастье есть обладание высшим благом и добродетелью. И, наконец, четвертое: счастье — не сумма удовольствий, не проникающее в душу состояние глубочайшей радости, подобное вспышке, не обладание внешними благами, а полное, длительное удовлетворение жизнью в целом, сознание, что она удалась, что через страдания и печали мы обрели сокровенную суть бытия. Последнее понимание кажется более приемлемым. Но и оно не раскрывает полностью "формулу счастья".

Если обратимся к общему содержанию фелицитарных идей, то можно обратить внимание не только на разброс мнений, но и выделить общие признаки в понимании счастья:

1) субъективное переживание удовольствия само по себе не является достаточным критерием счастья; 2) счастье сопутствует добродетели; 3) можно найти объективный критерий счастья. Платон считает таким критерием идею "хорошего человека"; Аристотель — "назначение человека". Спиноза — реализацию человеком своей природы путем использования своих сил. Спенсер — биологическую и социальную эволюцию человека.

Учения о человеческом счастье можно разделить на три направления: психология счастья, аксиология счастья и социология счастья. С психологической точки зрения, базирующейся на данных самочувствия, счастьем является удовлетворенность жизнью, приятные эффекты, отсутствие заметных неприятностей, которые могли бы подавить позитивные настроения.

Чувство счастья может быть мгновенным, быстро проходящим, вызванным каким-либо сегодняшним событием. Оно может быть постоянным, прочным, вызванным постоянно действующими факторами радости, подъема душевных сил, хорошей перспективы, гармонии и удовлетворенности. Чувство счастья, таким образом, фиксирует разнообразие отношений человека к миру и к самому себе. При этом очень важно различие между счастьем и радостью. Они отличаются в том смысле, что радость соответствует единичному акту, а счастье — это непрерывное и полное переживание радости. Счастье, — по определению Э. Фромма, — это критерий совершенства в искусстве жить, добродетель в том ее значении, какое она имеет в гуманистической этике (Человек для себя. М., 1992, с. 182). В человеческой деятельности нет, конечно, прямой и открытой погони за счастьем. Постановка и достижение различных жизненных целей не делает человека автоматически счастливым. Однако, стремясь к ним, он испытывает счастье, даже не заботясь о нем. Это есть "хитрая стратегия", "психологический закон" счастья (Дж. С. Милль). У человека присутствует внутреннее "недремлющее око", которое следит за конечной эффективностью и внутренним ценностным смыслом индивидуальной жизнедеятельности.

Но психология счастья в основном оперирует описательными терминами, уточняющими переживания фактами. Удовольствия или страдания не могут быть главными показателями счастья или несчастья. Мы видим, что одни находят удовольствие в садизме, деструктивности, оскорблении людей, а другие находят его в том, чтобы любить, делиться с друзьями тем, что имеют, дерзать и творить. Если счастье или несчастье тождественны нашему чувству о них, тогда наслаждаться или страдать, не зная об этом, все равно, что не наслаждаться или не страдать. Если рабы не осознают страдания, причиняемого им их хозяином, как может посторонний человек выступать против рабства во имя счастья человека? (Э. Фромм). Счастье, как и несчастье, это не просто состояние ума. Фактически, счастье или несчастье — это

проявление состояния всей личности. Счастье соответствует увеличению жизнеспособности, силы чувств и мышления, плодотворности; несчастье способствует ослаблению этих способностей и функций.

В аксиологическом плане счастье — это ценность, мера добра в жизни человека. Счастье олицетворяет добро, которое одно только и может развивать в человеке самые лучшие, самые человеческие черты и тесно связано со смыслом его бытия. Счастье не тождественно отдельным чувствам или какой — то особой деятельности. С точки зрения западного этика Р. Барроу, у человека должна быть своя позиция в оценке связей и отношений с миром. Если она реалистична, если ожидания соответствуют объективным возможностям, человек достигает трех существенных условий счастья: безопасности, самоутверждения и верного понимания ситуаций. Моральные ценности не являются непосредственной причиной счастья. Ведь моральный человек может быть несчастлив, а счастливый человек не морален. Но ценностный кризис обязательно соединен с духовно — эмоциональным кризисом.

Стремление к счастью не всегда объединяет людей, особенно в обстановке, когда несчастье одних является условием счастья других. Люди иногда довольствуются "маленьким счастьем", вредные для себя и унижительные положения они считают счастьем, не ведая их настоящего смысла. Представление людей о счастье и понятие счастья различаются как конкретное и абстрактное, тут наличествует противоречие между должным и сущим. Понятие счастья воплощает идеальное, истинное, полное и которое имеет императивную основу, а не ситуативный источник. Этика упрекает человеческие мнения в том, что они полны "не тем" счастьем, а людям кажется, что для истинного счастья не подходит та жизнь, которая им дана.

Социология счастья — важная составная часть фелицитологии. Она описывает те общеизвестные блага, которые люди хотели бы достичь, например, почета, богатства, многочисленного потомства, безбедной старости. Поэтому в социологии счастья особое место занимают пути и средства достижения существенных благ и прежде всего честный, добродетельный труд во всех его формах.

Социология счастья широко представлена в трудах классиков утилитаризма. Например, И. Бентам приводит список удовольствий, которые выгодны и приближают человека к счастью: здоровье, умение, дружба, доброе имя, власть, благочестие, доброжелательность, ожидание, общение, утешение и др. "индексы" ценностей являются величиной неустойчивой. Это особенно характерно для переходных обществ. "Современный человек,— утверждают Е. Дубко и В. Титов,— обладает психикой — гироскопом, своеобразным свободно колеблющимся и самобалансированным устройством, приспособленным к переменчивой судьбе" (Идеал, справедливость, счастье. М., 1989, с. 72).

В условиях рыночной экономики и массовой культуры на подъеме ценность самоосуществления и качества жизни. Прежде она была прерогативой, элитных слоев общества. Теперь она превращается в массовый ориентир.

Новое поколение придает большое значение повышенным стандартам жизни, меньше думают о голоде и болезнях. Однако НТР и информационный взрыв взвинтили ритм человеческого существования, ослабили механизмы локализации конфликтов; обостряется нравственная и экологическая ситуация. Негативные последствия этого процесса, а именно появление разочарования, ощущение того, что жизнь не дает чего-то важного, снижение сосредоточенности воли, тоска, чувство вины и агрессивность создают препятствия счастливому существованию человека.

Проблема взаимодействия рыночной экономики и человеческого счастья широко обсуждалась в этической, естественнонаучной, технической литературе. Счастье — это полезность предмета обмена, способная удовлетворить разнообразные потребности (товар), и вещь, которую "носят в кармане" (деньги). Умножить свое счастье и доставить пользу другим может только нравственный человек, т.е. тот, кто способен своим, продуктом "увлечь" чужую потребность с выгодой для своего счастья, кто умеет "превратить свои собственный продукт в жизненное средство для самого себя". В "Декларации независимости" Т. Джефферсона записано: "Охраняя стремление к счастью, государство по своему предназначению должно защищать и поощрять дух предприимчивости в людях, чувство рискующей самостоятельности, а именно это и существенно для счастья".

Вот следующие структурные элементы счастья. Во-первых, благополучие, которое означает жизнь без горя, лишений, болезней, утрат, увечий. Ясно, что мало кто обходит все эти подводные рифы течения жизни. Во-вторых, удовлетворение потребностей. Нужен определенный позитивный баланс удовлетворения потребности. Здесь громадное значение имеет собственность человека, без которой нет ни свободы, ни богатства. Следующим, третьим, элементом является довольство. Когда человек доволен, он хотел бы жить так, как живет. Он не прочь еще лучше, но не порывая при этом со своими взглядами и привычками, своим окружением.

В-четвертых, счастье умозрительно без радости. В том, что человека радует, виден он весь — и его ум, и его чувство, и его ценностный спектр. Пятым элементом надо считать оценку жизни в целом с позиции человечески значимого и обязательного.

Этика очень хорошо может обосновать ценность счастья и радости, как свои главные добродетели, но при этом она знает, что требует от человека решения не самой легкой, а самой трудной задачи: полного развития его плодотворности (Э. Фромм. Человек для себя. М., 1992, с. 184).

7. Совесть

У великого Канта есть одна изумительная мысль о том, что две вещи приводят человека в восхищение и трепет: бесконечность звездного неба и внутреннего морального закона. Первую бесконечность человек преодолевает все более, осваивая новые пространства, а вторую — сам, все более подчиняясь голосу совести. Что такое совесть?

Совесть в ее различных жизненных проявлениях — феномен весьма запутанный. Различаются ли всевозможные виды совести только по их содержанию, а в остальном они сходны? На протяжении всей истории люди, придерживающиеся совершенно противоположных установок, заявляли, что они поступают "по совести": Конфуций и Сократ, Заратуштра и Платон, Иисус и Мухаммед призывали людей к духовности и к строгому следованию велениям совести и чести; но инквизиторы и ксенофобы, завоеватели и тираны, фанатики фашизма и большевизма также заявляли, что они поступают во имя своей совести.

Этическая литература содержит множество различных ответов на эти вопросы. Сенека говорит о совести как о внутреннем голосе, осуждающем или защищающем наше поведение в зависимости от его этических качеств. Стоицистическая философия связывает совесть с самосохранением (заботой человека о самом себе). В религиозной философии совесть считают законом разума, внушенным человеку богом. С точки зрения Фихте, совесть не зависит от общественного положения людей и она является голосом внутреннего "Я", подлинным авторитетом морали. По Марксу, она есть своего рода гнев, только обращенный вовнутрь. Ж.-П. Сартр объявляет совесть единственным оазисом внутри личностной деятельности, призванным противостоять внешним требованиям и запретам, предъявляемым человеку со стороны общества.

Феномен совести все время был в центре художественной культуры. Его яркое и тонкое описание дал Шекспир:

«О совесть робкая, как мучишь ты! Огни синеют. Мертв полночный час. В поту холодном трепетное тело. Боюсь себя? Ведь никого здесь нет. Я — Ричард и Ричардом любим. Убийца здесь? Нет! Да! Убийца я! Бежать? Но от себя? И от чего? От мести. Сам себе я буду мстить? Увы, люблю себя. За что? За благо, что самому себе принес? Увы! Скорее сам себя я ненавижу за зло, что самому себе нанес!».

Совесть как морально — психологический механизм нравственного сознания созвучна императивной, связывающей силе морали, действующей в обществе. Она охраняет во внутридушевном мире личности ту или иную систему нравственных ценностей, объективно закрепленную в общественных отношениях, в культуре, в образе жизни и деятельности социальных субъектов. Нравственно-психологическим своеобразием совести является то, что она выступает как цельный механизм, органически соединяющий в себе самые разнообразные элементы психической жизни человека. Она складывается в результате взаимодействия всех слоев психики: подсознания, рационального, интуитивного, опирается не только на холодный расчет мышления, но и на мудрость чувств, отраженный в них жизненный опыт, на моральную интуицию.

Своеобразием совести является ее виртуальность, замаскированность и избирательность. А. Милтс так описывает природу совести: "Там, в душевной преисподней, находится наше серое равнодушие, наш компромисс между добром и злом. Там увлечения, которые мы путали с любовью. Там слезы страсти и охлаждения, растерянность. Там доверенные нам, но не сохраненные тайны. Там наши привычки, которые мы проклинаем, запутавшись в них, как в паучьей сети. Там наше легкоеверие и поверхностность, грехи, совершенные в гневе и ненависти. Там бесконечные, часто хаотичные записи в подсознании...». Совесть — это внутренний монолог, хотя чаще происходит диалог, даже многоголосая дискуссия. Латинская поговорка звучит так: "Совесть — тысяча свидетелей". Не позволяя уснуть духу, в человеке спорит вечный оппонент с вечным защитником. Вечный судья в человеке видит, мыслит и чувствует то, что скрывается от общественного мнения" (А. Милтс. Совесть. "Этическая мысль". М., 1990, с.274—275).

В повседневной жизни чувство совести выполняет роль своеобразного нравственного компаса, включающегося всякий раз, когда поведение человека выходит за рамки привычного и "автоматизированного" образца. Конечно, совесть не всемогуща. В случае нравственного компромисса или преобладания безнравственного мотива при наличии возможности свободного выбора совесть принимает в себя чужеродное начало, тенденцию к самоотрицанию. Чувство угрызения совести, как правило, первоначально сопровождающее осознаваемые безнравственные поступки, со временем притушается, и личность уже идет по пути нравственной атрофии и оказывается вне рамок собственно моральной регуляции поведения.

Хотя совесть есть внутренний голос человека, "процесс внутреннего определения добра" (Гегель), однако она должна быть знающей. Возможен такой парадокс: аморальный выбор может быть предрешиен в силу нравственного максимализма, сопровождаемого неведением. Но и гармония повышенных нравственных требований и истины еще не гарантирует сама по себе свободного выбора "поступка по совести". Так, в условиях отсутствия свободы и демократии, господства коррумпированных и бюрократических сил индивид неизбежно находится в роли марионетки, которой навязываются суррогаты совести. При маргинализации общества, люмпенизации его членов совесть как бы впадает в спячку. Власть

без совести — это саморазрушающая власть. Но ее деструктивная природа наносит людям неисчислимый вред. Самое удобное оправдание тиранов и палачей — ссылка на "жестокость века". Понижение морали до уровня образцов какой-то "эталонной группы" неизбежно связано с преследованием людей, действующих по совести. Честный человек в лживой системе кажется аномалией. Реальная практика тоталитарных и коррумпированных обществ полна этих примеров. Обстановка всеобщего "одобряем" не выносит совести как нечто аномального. Бесчеловечность, садизм, демагогия иным могут доставлять радость, если с их помощью достигаются корыстные цели. В тоже время честная и совестливая жизнь других может вызвать злобу и зависть. Многие так называемые "исторические деятели" и "отцы народов" через манипуляцию общественным мнением пытаются создать для себя удобную мораль. Чаще всего это мораль расчета, служащая утилитарным целям и стандартам "вождизма". Для них главное прилично выглядеть, услышать похвалу, что легче всего достигается на всеобщем фоне безнравственности.

Для анализа нравственной ситуации в посттоталитарных обществах актуальным является учение Э. Фромма об авторитарной и гуманистической совести. По его определению, авторитарная совесть — это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого вы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Здесь мы едва ли можем говорить о совести; такое поведение просто соотнобразуется с требованиями момента, регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение, всегда зависит от внушительности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной возможности наказывать или награждать. Зачастую переживание, которое люди принимают за чувство вины, порожденное их совестью, фактически является ни чем иным, как страхом перед такими авторитетами. Самое важное заключается в том, что предписания авторитарной совести определяются не ценностными суждениями самого человека, а исключительно тем фактом, что ее повеления и запреты заданы авторитетами. (Э. Фромм. Человек для себя. с. 139—141).

Авторитарная совесть бывает двух видов. Чистая совесть — это сознание, что авторитет доволен тобой; виноватая совесть — это сознание, что он тобой недоволен. Чистая (авторитарная) совесть порождает чувство благополучности и безопасности, ибо она подразумевает одобрение авторитета и достаточную близость к нему, виноватая совесть порождает страх и ненадежность, потому что действия наперекор воле авторитета чреваты опасностью наказания и — что еще хуже — опасностью отверженности.

Неповиновение становится главным грехом, а послушание — главной добродетелью. Послушание предполагает признание за авторитетом верховной власти и мудрости, признание его права приказывать, награждать и карать по своему усмотрению. Авторитет может снизить до объяснения своих приказов и запрещений, наград и наказаний, но индивид не имеет никакого права критики в адрес авторитета. Уже сам тот факт, что некий индивид отваживается на критику, является доказательством его виновности.

Каковы бы ни были прерогативы авторитета, будь он владыкой Вселенной или отцом народа, посланным судьбой, принципиальное неравенство между ним и любым из людей — это основной догмат авторитарной совести.

В отличие от авторитарной совести гуманистическая совесть — это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений. Она — реакция всей нашей личности на ее правильное функционирование или на нарушения такового. Совесть оценивает исполнение человеческого назначения, она является вестью в нас (корень слова совесть), вестью о нашем относительном успехе или о поражении в искусстве жизни.

Итак, совесть — это наша реакция на самих себя. Это голос нашего подлинного Я, требующего от нас жить плодотворно, развиваться полно и гармонически, т. е. стать тем, чем мы потенциально являемся. Это страж нашей честности, это способность ручаться за себя и с гордостью, стало быть, сметь также, говорить "Да!" самому себе. Чтобы услышать голос собственной совести, мы должны услышать себя, а большинству людей нашей культуры это удается с огромным трудом. Мы прислушиваемся к каким угодно голосам, но только не к самим себе. Мы постоянно окружены шумом мнений и идей, вдалбливаемых нам кино, газетами, радио, пустой болтовней. Часто мы боимся остаться наедине с собой. Мы предпочитаем самые неприятные компании, самые бессмысленные времяпрепровождения. Похоже, мы страшимся перспективы встретиться с собой лицом к лицу. Боязнь остаться с собой — это скорее чувство замешательства, граничащее порой с ужасом увидеть человека, одновременно так хорошо знакомого и такого чужого, мы путаемся и бежим прочь. (Э. Фромм. Человек для себя. М., 1992, с. 156).

Понятие совести может оказаться весьма зыбким у людей, имеющих дело с богатством, с благом, если у них нет твердого жизненного кредо. Человек, который только начал иметь дело с богатством, и человек, который им пресыщен, могут иметь разное понятие совести. Поэтому важнейшим элементом совестливости человека может быть его воспитание с детского возраста. На него большое влияние оказывают окружающая его среда, психология и ценностные ориентиры этой среды. Следовательно, деловым людям при подборе кадров следует учитывать и эти факторы, воздействующие на совесть человека.

На понятие совести большое влияние оказывает исторический период, национальные, территориальные и климатические особенности. Видимо, нельзя не отметить различие понятия совести современного времени

от XVIII—XIX веков, когда только начиналось внедрение машин, механизмов в процесс производства. Разнятся понятия совести в брачных отношениях французов и казахов. Первые считают вполне нормальным браки между кузенами, а для вторых люди, пожелавшие вступить в такой брак, считаются бессовестными людьми, посягнувшие на кровосмешение. Совесть для народов Востока не всегда совпадает с народами западных стран или Африки и Латинской Америки. Поэтому в деловых отношениях всегда надо учитывать эти факторы и с уважением относиться к обычаям.

8. Обычай, миф и право

Обычай поддерживается ритуалом. У многих народов правила обычая и ритуала настолько устойчивы, что практически не нуждаются в ином праве. Обычай и табу имеют особенности: они могут разрушаться под влиянием обстоятельств, могут возрождаться, вновь могут модифицироваться. Следование обычаю, традициям требует своих форм выражения. Этими формами являются ритуал и символы, или символические образы.

Остановимся на ритуалах. Американский социолог Э. Гоффман исследует современный ритуал и показывает, насколько он многообразен. Он подчеркивает, что жизнь современного общества изобилует ритуалами и лишь секулярный взгляд на общество мешает нам понять повсеместность и стратегическое значение их распространения. Он дает определение: "Ритуал есть формальный конвенциализированный акт, посредством которого индивид высказывает свое уважение и почитание в адрес объекта предельной ценности..."

В качестве такого ритуала выступают правила поведения в присутствии других, касающиеся всего спектра поведения индивида: его внешнего облика, его манер, поз, принимаемых его телом, его мимики, жестикуляции, тона его голоса. Эти правила существенно разнятся в таких видах ритуалов, как "ритуал уважения", "ритуал избегания", "представительный ритуал". В число ритуалов он включает и поведение на шумной городской улице, где достигается добровольная координация во имя избежания столкновений, и так называемую "лицевую работу" (в буквальном смысле работу лица), когда лицо становится образом "Я". С помощью лицевой работы происходит диалог между людьми: можно поддержать, расстроить человека, извиниться и т.п. Добавим к этому, что всякий процесс отправления права есть не что иное как ритуал, без которого правоприменительная деятельность невозможна.

Сегодня в политологической литературе принято различать общества быстро меняющиеся и общества традиционного типа. Некоторые авторы подчеркивают, что в традиционалистском обществе обычаи и традиции в большей степени регулируют поведение человека, влияют на мир его ценностей, чем в обществе меняющемся. Традиционное мышление в большей степени полагается на устоявшиеся веками обычаи, чем на современное право и его юридическое выражение.

Среди множества теорий мифа отметим позицию Э. Кассирера, который рассматривает мифологию наряду с языком и искусством как автономную символическую форму культуры. Мифическое сознание напоминает код, для которого нужен ключ. Миф выступает формой творческого упорядочения и даже познания реальности. По Р. Барту, миф — это коммуникативная система, сообщение.

Миф — не "выдумка", не "пережиток прошлого", а некий первичный язык описания, в терминах которого человек с древнейших времен моделировал, классифицировал и интерпретировал самого себя, общество, мир. С мифом связан такой феномен, как фетишизация сознания, то есть наделение различных объектов свойствами, им не присущими, а людей — приписываемыми им качествами.

Мифы важны для человека. С их помощью он упорядочивает свое восприятие пестроты мира. Они являются по-своему альтернативной формой приспособления к жизни по отношению к такой форме, как научное знание.

Человек сам создает мифы и добровольно подчиняется им. Особенно ярким примером является искусство, телевидение, реклама, создающие мифологические образы, которым следует реальный человек в своей жизни. Эти образы по-разному интерпретируются. Немецкий исследователь К. Хюбнер приводит следующий перечень возможных интерпретаций мифического образа: как превознесение, обожествление чего-либо; как "детская болезнь языка" (например: день "засыпает", солнышко "радуется"); как ритуал (например, ритуал похорон); как символ (например, символика Востока).

Мифическое мышление многообразно. Оно творит жизнь и само обусловлено жизненным опытом. Вот какими особенностями обладает, по наблюдениям Р. Барта, мифическое мышление мелкого буржуа, успешно начинающего свою коммерческую деятельность: ею жизненные формулы — "меня не проведешь", "вы ответите", "око за око", "товар — деньги. Этому сознанию невдомек, что есть много смыслов и путей. Для него все беспредельное мира заключается в тесные рамки расплаты. Это и есть миф так называемого здравого смысла.

У каждой эпохи свои мифы. Но в мифологии древних греков и мифах современного постиндустриального общества есть общее: это фантазия, творческая сила, которая, создавая миф, творит реальность и подчиняет человека ей. Мифологические образы оказываются порой правдивее жизни. Эта вечная тема предельно сжато выражена словами В. Шекспира: "Вся жизнь — театр".

Это дает нам основание для обозначения такой разновидности права, как право искусства или право художника. По большому счету, это — право свободного человека, ибо мифы он творит сам, в своей собственной голове и в своем сердце. Здесь предполагается и право на защиту этого своего права от подделок, суррогата, насилия извне. Можно сказать, что это есть протофеномен последующего авторского права. В конце концов, это оказывается частью "прав человека".

С точки зрения социологии мифологизация жизни и сознания может быть как в форме индивидуальной, так и в групповой или массовой. Тоталитарный тип общества XX века отличался массовидным

насаждением идеологических мифов, играющих очень важные для власти функции социализации индивида и подавления его автономии.

9. Каноническое право и мораль

Юридические законы фиксируют внешнюю сторону поведения, поступка, они не могут регулировать помыслы, помочь в индивидуальном страдании, надежде, раскаянии — во всем том, что предполагает религиозные чувства, что связано с внутренним миром человека. Религии эволюционируют. Наряду с традиционными древними религиями сегодня идет процесс формирования новых, современных религиозных конфессий и движений. И те, и другие пытаются органично вписаться в современные жизненные реалии, привлечь свою паству. Поэтому многим из них не чуждо сосуществование с современным правом, озабоченность фактами нарушений нрав человека. Об этом говорят такие примеры, как миротворческая деятельность церкви, благотворительная (деятельность матери Терезы), образовательная (исламские университеты), воспитательная (храмы в колониях и тюрьмах), примиряющая (армейские священники).

Обратимся к истокам христианства. Материалы, приведенные ниже, представляют дайджест из работы А. А. Гусейнова "Великие моралисты".

"Законодательство Моисея" — не есть юридическое законодательство. Исторически оно предшествует юридическому, которое, в свою очередь, многое впитало из этого религиозного канона. Взаимоотношения Моисея и израильтян не укладываются в схему взаимоотношений просвещенного, мудрого вождя и косной, своевольной массы. Моисей не просто лучше других выражает волю и интересы народа, он в известном смысле создает сам народ. Для того чтобы племена переплавились в этнос, Моисей заложил религиозные, нравственные и законодательные основы их исторического существования. Провозглашенная им религиозность покоится на единобожии, нравственность — на любви к своему народу, законодательство — на принципе равного возмездия. Бог, народ, справедливость — так кратко можно было бы обозначить суть учения Моисея. При этом все три понятия образуют нерасчленимый комплекс.

За пределами еврейско-иудаистской культуры имя Моисея прежде всего сопрягается с десятью заповедями. Когда говорят "кодекс Моисея", то обычно имеют в виду именно десять заповедей, хотя на самом деле нормотворческая деятельность Моисея ими не исчерпывается. Десять заповедей являются общей основой, своего рода введением к детализированному своду законов, охватывающему все общественно значимые аспекты поведения человека и включающему сотни разнообразных норм от правил гигиены до форм благочестия. Эти общие религиозно-нравственно-юридические принципы — своего рода философия Моисеева законодательства. Особое место Десяти заповедей в законодательной части Пятикнижия подчеркнуто тем, что Яхве возвестил их израильтянам сам, в отличие от других законов, которые он предписал через Моисея.

Первые три заповеди предписывают почитать одного лишь бога Яхве, запрещают создавать других богов, предостерегают от необязательного отношения к указаниям бога ("не произноси имени Яхве, твоего Бога напрасно" — Исх. 20:7). Почему единый бог? Почему Яхве? Потому что, будучи единым богом и в качестве единого бога, он является также богом справедливым и ревнивым. Он воплощает в себе правду и силу одновременно. Там, где молятся многим богам, там нет единой правды.

Пятая заповедь предписывает почитание отца и матери. Ее необходимость объясняется не только фактами преступного попрания детьми воли родителей (так, в Пятикнижии мы находим норму, предусматривающую смертную казнь детям, побившим или проклявшим отца и мать). В контексте Десяти-словия эта заповедь приобретает особый смысл — она призвана подчеркнуть, что новый религиозно-национальный горизонт общественного поведения не отменяет вековечный закон почитания родителей.

Последующие заповеди (с шестой по десятую) можно характеризовать как нормы отношения человека к ближним, понимая под ближними всех представителей своего народа. "Не мсти и не злобствуй на сынов своего народа, и люби своего ближнего, как самого себя" (Лев. 19:18).

В содержательном плане справедливость, задаваемая принципами Десяти-словия, является равным возмездием. Речь идет об уходящем корнями в родоплеменные отношения принципе талиона, или воздаяния равным за равное. Это хорошо видно на примере принципа "не убивай". Заметим, что по духу и букве Пятикнижия сфера действия требования "не убивай" ограничена Израилем. Во взаимоотношениях с другими народами законы Моисея предписывают или их подчинение, или когда речь идет о народах, населяющих обетованную землю, полное уничтожение. Что касается наказаний за отступление от требования "не убивай", то они заключаются в том, чтобы отвечать убийством на убийство (если нет очевидных доказательств того, что оно было совершено непредумышленно), увечьем на увечье по принципу: жизнь за жизнь, око за око. Такой же принцип кары действует и в других случаях.

С собственным учением Иисус выступил в 30 лет — в возрасте традиционно считающемся временем личностного созревания. Проповедовал он три года, после чего был обвинен синедрионом в богохульстве и казнен. Решение о казни было принято еще под давлением взбудораженных прихожан и утверждено римским прокуратором Понтием Пилатом. Казнь осуществили римские власти. Форма казни считалась самой позорной, предназначенной для рабов и разбойников. Иисус был распят за слово, за мысль, за учение. И сделали это две силы: государственная власть и разъяренная толпа. Тем самым эти две силы обнаружили свою темную сущность и заклеили себя как враждебные личности, свободному духу.

Первое, что требуется от человека, — это осознать несущественность, второстепенность всех земных целей и стремлений. Надо правильно обозначить масштаб ценностей и понять одну истину: "Что высоко у людей, то мерзость перед Богом". Мир, считает Иисус, не содержит в себе своей ценности: в перспективе небесного царства он ничтожен, каким бы значительным и соблазнительным ни казался. Словом, земная жизнь в себе несовершенна, и ничто в ней, будь то богатство, удача, слава, не стоит того, чтобы быть

сокровенной целью человеческих стремлений. Сердце не может принадлежать миру.

Человек в своих практических решениях не может спрятаться за учение или священные формулы. Всегда, в каждой ситуации, он должен действовать сам, на свой страх, свой риск, свою ответственность, не только не чувствуя какую-либо зависимость от обстоятельств, напротив, действуя так, как если бы обстоятельства полностью зависели от него. Для позиции Иисуса Христа показательным, что он осуждает поступки, которым иудаизм придавал достоинство священных действий. Наиболее характерный пример — отношение к субботе. Иудеи посвящают субботу богу, и в этот день запрещалась мирская активность. Иисус и его ученики не соблюдали этот запрет с требуемой тщательностью: однажды в субботу ученики срывали колосья в поле. Иисус лечил в этот день больных. В ответ на упреки фарисеев о святости субботы Иисус отвечает удивительно лаконичной формулой: "Суббота для человека, а не человек для субботы". Неверно думать, будто Иисус был равнодушен к обычаям своего народа или даже попирали их. Ни то, ни другое. Он чтит обычаи, конкретные предписания Моисеева закона. Он только не соглашался с тем, что какие бы то ни было *внешние* действия могут иметь характер абсолютных норм и считаться критерием достойного поведения.

Иисус переворачивает сложившийся порядок ценностей. Люди заботятся о материальном, о хлебе насущном, чтобы устранить свои страдания, не понимая того, что как раз в этом и заключается причина страданий. Иисус настойчиво призывает людей осмыслить свой печальный опыт. Тысячелетия люди озабочены тем, что им есть, что им пить, во что им одеться. И у них нет вдоволь ни того, ни другого, ни третьего. А есть лишь постоянные муки и нескончаемые конфликты. Не потому ли это происходит, что люди заботятся не о том, о чем следует заботиться, что перепутали главное и второстепенное?

Подлинным испытанием способности человека к любви является отношение к врагам. Мысль Иисуса, что любовь вообще есть испытание человека, есть его высшее предназначение, была подхвачена философами XX столетия. Об этом много писал Э. Фромм, анализируя социально-психологические типы современного человека. По Фромму, любовь — главное содержание личности продуктивной ориентации, в отличие от типов непродуктивной ориентации.

Крупнейшие религии мира — конфуцианство, буддизм, ислам, иудаизм, христианство — были и есть носители культурных ценностей, созданных народами в течение веков. С этими ценностями связан образ жизни народов, их хозяйственная этика, их обычаи, правовые представления. Исследователь социологии религии М. Вебер писал об особенностях хозяйственной этики мировых религий, о роли религиозных ценностей в жизни семьи, в системе воспитания детей. В своей работе "Протестантская этика и дух капитализма" он прямо пишет об обусловленности успешного бизнеса немецкого бюргера его протестантскими взглядами на основные жизненные ценности, укорененностью рационального начала, господствовавшего на Западе начиная с XVI—XVII веков. Под рационализацией в данном случае подразумевается определение практической цели и точное исчисление адекватных для ее достижения средств.

Говоря о рационализации мышления в условиях складывания рынка в Европе, необходимо заметить, что эта рационализация как тип отношений очень гибких и подвижных ориентированных на интересы двух сторон, неизбежно входит в противоречие с обычаем как оплотом стабильности.

10. Естественное право и мораль

Естественное право древние греки связывали с природой человека, с его правом на жизнь, удовлетворение своих естественных потребностей, с правом на наслаждение, на "хлеб и зрелища", и в то же время — правом на аскезу, на индивидуальную свободу.

Представление о естественном праве, сформировавшееся в античности, в своем модифицированном виде дойдя до сегодняшнего дня, выразилось в идее "прав человека". При этом историческая эволюция представлений о естественных правах достаточно показательна, ибо она отражает изменение взглядов на место и роль человека в обществе, на отношение государства к человеку и человека к государству. В рамках естественных ценностей человек не отделяет себя от природы. Он слит с нею. Его внутренняя и внешняя природа находятся в гармонии. Этот короткий миг гармонического человека в истории европейской цивилизации запечатлен в античной пластике — скульптурах Фидия, Поликлета, в которых образ бога и божественной красоты слит с образом человека и человеческой красоты. Каждый поступок человека отождествляется именем бога, боги руководят человеческими делами.

Правильно понятый характер связи искусственного с естественным является, по Демокриту, критерием справедливости в этике, политике, нравах. Греческие софисты противопоставляли законы природы (фюсис) законам полиса (номос), подчеркивая, что вторые принуждают ко многому, что противно природе.

Платон разделал позицию Сократа. По Платону, законы и справедливость одно и то же, в их основе лежит божественное идеальное начало. Более того, он находит связи между типом государственного устройства (аристократия, олигархия, демократия и тирания) и видом душевного (в нашем контексте — естественного склада людей). Каждая форма государства гибнет из-за внутренних раздоров, противоречий, злоупотреблений. Лучшая форма государства — "средняя", в которой доминирует во всем "средний" элемент: в нравах — умеренность, в имуществе — средний достаток, во властвовании — средний слой. Государство, состоящее из "средних" людей, будет иметь и наилучший государственный строй, — утверждал Аристотель.

У Аристотеля высказана одна из наиболее четких позиций разделения двух форм права. В дальнейшей истории европейской правовой мысли можно наблюдать либо акцентированное внимание на естественной природе человека, либо на ином начале: разумном, рациональном творении правовых норм.

Становление естественного права, дискуссии вокруг него родили ряд философских школ: стоики, киники, эпикурейцы. Предметом их анализа был вечный спор о том, что дано человеку природой и является его незыблемым правом человека духовно-религиозных исканий. В эпоху Просвещения взгляды французских просветителей Вольтера и Руссо связывали с естественным правом такие ценности, как свобода и равенство.

С ценностями естественного права были связаны концепции российских историков, правоведов, философов (Б. Н. Чичерин, П. А. Сорокин, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев). Так, например П. И. Новгородцев писал: "Естественно-правовые построения являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания. Общество, которое перестало бы создавать идеальные построения, было бы мертвым обществом". Н. А. Бердяев, связывая стиль русской жизни с особенностями души человека, писал: "Россия — самая безгосударственная, самая анархичная страна в мире... Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве... Россия — страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами... Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни...».

С ценностями естественного права связаны персонцентристские концепции, обратившиеся к проблеме "прав человека" в современном мире. К этому перечню можно добавить социально-философские доктрины, объясняющие поведение человека преимущественно биологическими (Г. Спенсер, Т. Мальтус, Ч. Ламброзо), географическими, климатическими и геополитическими (Мечников, Л. Гумилев), социально-психологическими (З. Фрейд, Э. Фромм) механизмами. Именно эти системы взглядов служат основой как для защиты прав человека, так и для отъема их, покушения на них, преследований, репрессий, войн.

В современном мире к числу естественных прав человека можно отнести право на информацию, на получение образования. Это право реализуют даже заключенные, находящиеся в тюрьмах и колониях.

Э. Фромм называет естественными те потребности человека, которые вытекают из условий его существования. В своей работе "Здоровое общество" он дает следующие характеристики этих потребностей:

- преодоление и созидательность в противовес разрушительности;
- укорененность и братство в противовес кровосмешению;
- чувство тождественности и индивидуальности в противоположность стадному конформизму.

Ярким примером полярности таких оценок является уже упомянутое отношение к войнам. Попробуем проиллюстрировать это отношение в высказываниях представителей различных эпох и воззрений:

Демокрит (ок. 460—370 гг. до н. э.): война — бедствие для обеих враждующих сторон.

Платон (427—347 гг. до н. э.): война — главный источник частных и общественных бед. Особенно

ненавистны ему войны между эллинами. Выход — в справедливых законах.

Т. Гоббс (1588—1679 гг.): человек — существо эгоистичное, обуеваемое жадностью и честолюбием; его окружают соперники и враги; человек человеку — волк; в обществе неизбежна война всех против всех — это естественное состояние рода человеческого; в природе заложено и стремление к миру; выход — в абсолютной власти государства; тот, кому принадлежит власть, не связан никакими законами; государство аналогично человеческому организму; гражданский мир — это его здоровье, а мятежи и гражданские войны — это его болезнь; ссылки узурпаторов на стремление обеспечить порядок силой вызваны не стремлением к миру, а стремлением к грабежу; если правители нарушают общественный договор, то народ имеет право на вооруженное восстание с целью вернуть государство на путь закона. Право войны принадлежит каждому государству в отдельности, право мира — это право по меньшей мере двух государств; война должна вестись только в целях мира; необходима взаимопомощь государств.

Г. Гегель (1770—1831 гг.): видел в войнах проявление "мирового духа" и считал их неизбежными.

Ленин (1870—1924 гг.): есть войны справедливые (освободительные, гражданские) и несправедливые (захватнические).

Э. Фромм (1900—1980 гг.) объясняет войну с точки зрения социально-психологической инструментальной агрессии, преследующей достать то, что необходимо и желательно. Разрушение — вспомогательное средство для этого. Перечисленные факторы делают войну возможной. Причиной же войны является *инструментальная агрессия* политических и военных элитарных групп. Фромм пишет и о другой причине войн — *оборонительной агрессии*, которая заложена в человеке генетически как реакция на угрозу его витальным потребностям и интересам. Главное условие состоит в том, чтобы устранить из жизни взаимные угрозы как индивидов, так и групп. Это во многом зависит от материальных условий жизни.

Таким образом, когда мы говорим сегодня о предотвращении войн с помощью правовых механизмов международного права, не нужно забывать о том, что естественные права человека остаются, они не поглощены юридическим правом, следовательно, заключенный в них потенциал продолжает проявляться самым неожиданным образом.

Отделение естественного права от права, конструируемого искусственным путем, с помощью разума, проектировочной деятельности человека — впервые зафиксировало автономность человека в обществе, несводимость человека к социуму, в который он включен, возможность несовпадения их интересов, сложную судьбу "общественной" жизни человека, его вечный поиск себя в мире и мира в себе, необходимость личного выбора своей судьбы:

а) часть естественных прав перестала быть таковыми и оказалась в плену законнического догмата, то есть часть свободы человек утратил;

б) возникла возможность "нарушения прав" человека не естественно и спонтанно, а целенаправленно со стороны законодателя, государства и его органов;

г) возникла теоретическая проблема: что считать естественным:

Ведь естественные возможности, блага меняются с развитием *средств* жизни: что было неестественным — становится естественным (телевидение, нужда в средствах связи и т. п.), и наоборот (способ передвижения на лошади, обычай писать длинные письма). На эмпирическом уровне государство и правовые структуры зорко следят за ситуацией. Если люди много пишут писем — надо повысить стоимость почтовых услуг, если много звонят по телефону — то же самое. Происходит своеобразное ущемление естественных прав, что вызывает реакцию их отстаивания. И так — вечное противостояние, напряженная готовность к отражению "атаки".

Этнос — система динамическая, претерпевающая непрерывный внутренний трансформационный процесс, однако, имеющая некоторую устойчивость в своей изменчивости. То, что составляет этнос, можно рассматривать под разным углом зрения: как сложившийся образ жизни.

Основными ценностями, культивируемыми в пути, становятся поиск и достижение цели. Путь — это особый опыт, связывающий между собой разные миры и являющийся источником новых. Творческий человек, практикующий миграционный опыт, творит и связывает между собой миры культуры, не будучи в плену ни у одного из них.

Вместе с миграцией меняется структура пространства, местности. Людей объединяют долины рек, пастбища и огороды, охотничьи хозяйства, рынки, порты, торговые, промышленные зоны, храмы, жилища, школы, театры и т.д. Одновременно устанавливаются политическая церковная и другие социокультурные структуры в форме государств, областей, общин, епархий. Результатом и выражением этой структурности являются законодательство, мораль, общественная психология, идеология.

Стабильный опыт и опыт миграции как бы противостоят друг другу. Правила, сложившиеся в устойчивых, стандартных, повторяющихся обстоятельствах, не годятся тому, кто находится в постоянном движении. Динамичный опыт отражает пограничные явления, связанные с риском, с экстремальным напряжением сил. Здесь индивид трансформирует, меняет самого себя, в условиях, когда невозможно трансформировать неподатливую и враждебную реальность.

Нужно заметить, что ценности естественного права не исчезают. Они частично поглощаются государственным правом, приобретая статус узаконенных, частично остаются в сфере чисто моральных

ценностей и продолжают жить в отдельных слоях общества, частично сохраняются в превращенном виде в искусстве, эпосе, фольклоре, формах быта, в памятниках вещественной культуры, в языке. Все это позволяет возрождаться идее естественного права в разные периоды истории: в эпоху Возрождения XIV—XVI веков, в идеях французских Просветителей XVIII века, в современных концепциях "прав человека". Более того, как было уже замечено, появляются новые права человека, приобретающие значение естественных. Это право на информацию, на получение необходимого образования, на труд, на социальное обеспечение. Сегодня статус естественных прав не определяется тем, что они закреплены законом или нет. Он определяется их общественной и гуманистической значимостью. И в тех случаях, где закон еще недостаточно гарантирует общественные структуры (общества инвалидов, творческие союзы, фонд защиты гласности, организация солдатских матерей др.), помогающие в осуществлении этих прав.

Параллельно с развитием идеи естественных прав развивалось и другое направление — апология разумного, рационального, научного, политического, государственного подхода к праву. В рамках этого взгляда право конструируется сознательно, реализуется в политических институтах и законодательной системе, связано с юридическим ритуалом и тщательной дифференциацией норм. Такое право получило название позитивного права. Наиболее яркими страницами его истории явилось римское право, его последующие интерпретации в Европе, выразившиеся во взглядах таких представителей, как Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк и др.

Необходимо отметить, что в различных исторических условиях соотношение "естественного" и "искусственного" в праве было различным. Это определялось соотношением субъекта и объекта. "Непроснувшийся" субъект нуждается в правовых рамках, ему соответствует авторитарный или тоталитарный политический режим, а, следовательно, чаша весов склоняется в сторону позитивного права, права-закона. Активный субъект, стремящийся удержать и сохранить свои естественные права, отстаивает демократические режимы. Ф. Хайек в своей работе "Дорога к рабству" пишет об основных чертах индивидуализма (как противоположности "социалистическому коллективизму") следующее:

— уважение к личности как таковой, т. е. признание абсолютного приоритета взглядов и пристрастий каждого человека в его собственной сфере деятельности, сколь бы узкой она ни была;

— это индивидуализм, выросший из элементов христианства и античной философии. Он полностью сложился в эпоху Возрождения и с тех пор разросся.

Далее он пишет, что при тоталитарном режиме у власти всегда оказываются худшие, ибо больше шансов на успех имеют люди без моральных устоев и без совести. Малочисленная группа, сильная, чтобы навязать свои взгляды остальным, никогда не будет состоять из людей с развитыми индивидуальными вкусами.

В бывшем СССР, начиная с 1917 года, демократическое, в европейском понимании, право было попорно. Его заменила своеобразная диктатура "закона", отвечающего сначала требованиям революционной целесообразности, а потом — идеологии класса (рабочего класса, как утверждала официальная идеологическая доктрина, сформулированная властью). В действительности же право подменялось постановлениями и решениями партийно-государственного аппарата. При этом естественные человеческие права (на жизнь, на создание семьи, воспитание детей, на получение желаемого образования, на перемену места жительства, на зарубежные поездки и многое другое) были монополизированы, если не сказать — узурпированы властью. Человек не был волен даже по отношению к самому себе, он мог совершать что-либо только в строгих рамках, установленных властью. И позитивное, рациональное, право (как компромисс субъекта и объекта) в этих условиях тоже отсутствует, оно подменяется предписаниями, усредненными, унифицированными и едиными для всех правилами, или условно-распределительным правом.

Таким образом, место и удельный вес естественных прав в системе жизнедеятельности того или иного государства определяются местом и ценностью человека, мерой его автономии, свободы и независимости.

11. Римское право как нравственная ценность

Значение римского права не ограничивается его собственно юридическим содержанием. Нравственный аспект его имеет и самостоятельное значение. Римское право занимает в истории человечества исключительное место. Как писал И. А. Покровский, оно пережило создавший его народ и дважды покорило себе мир.

Но с ростом империи старый патриархальный строй рушится, примитивное натуральное хозяйство заменяется сложными экономическими отношениями. Новая жизнь требует напряжения сил, способностей каждого отдельного индивида. И римское право меняет свой характер, перестраивается. Одной из важных нравственных особенностей становится его индивидуалистическая направленность, краеугольными камнями — свобода личности, свобода собственности, свобода договоров и завещаний.

Второй особенностью римского нрава становится его универсальность. Она связана с тем, что Рим все больше втягивается в международные торговые отношения. На его территории постоянно завязывались бесконечные деловые отношения, в которых принимали участие торговцы разных национальностей; римские магистраты должны были разбирать споры, возникающие из этих отношений, вырабатывать нормы для разрешения этих споров. Старое римское национальное право для этой цели не годилось, необходимо было новое право, которое было бы свободно от всяких местных и национальных особенностей, которое могло бы удовлетворить и римлянина, и грека, и египтянина, и галла. Нужно было право всемирное, универсальное, которое впитало бы в себя обычаи международного оборота, вырабатывавшиеся в международных сношениях.

Приведем еще раз слова И. А. Покровского: "По существу, творцом этого права был, таким образом, весь мир. Рим же явился лишь тем лаборантом, который переработал рассеянные обычаи международного оборота и слил их в единое, поразительное по своей стройности, целое. Универсализм и индивидуализм — основные начала этого целого".

Римское право нашло свое классическое завершение в знаменитом своде — *Corpus Juris Civilis* императора Юстиниана. Естественное экономическое развитие новых народов приводит их к международным торговым отношениям. Снова экономический прогресс требует освобождения личности от всяких феодальных, общинных и патриархальных пут, требует предоставления индивиду свободы деятельности, свободы самоопределения. Римское право снова делается предметом внимания и изучения. Оно переходит в местное и национальное законодательство, то есть совершается то, что носит название *рецепции римского права*. В Германии, например, до 1900 года сохранялось даже формальное действие Юстиниановского свода, материальное действие его сохранилось в параграфах и статьях современных кодексов. Недаром оно считалось писанным разумом, *ratio scripta*.

Удивительным является то, что римское право с успехом наследуется как государствами и политическими режимами демократического типа, так и авторитарного (или тоталитарного). Разница только в том, что первые это делают открыто и гласно, вторые — негласно. Как объяснить эту полезность для столь противоположных условий? Иными словами, поначалу с помощью права мир человека как бы гармонизируется, в него вносится порядок. Но в это же самое время, едва возникнув, этот порядок очень скоро преступает меру и переходит в свою противоположность. Ибо римское право эволюционирует вместе с изменением жизни, экономических и идеологических ее проявлений.

В эпоху царей, предшествовавшую периоду республики, оно определяло основные элементы государственного устройства: царь, сенат, народное собрание. Царь является верховным владыкой государства, в его руках сосредоточиваются все функции государственной власти. Он является и верховным полководцем народа, и блюстителем внутреннего порядка, и представителем народа перед богами. В качестве полководца он распоряжается военными силами, назначает командиров. В качестве блюстителя внутреннего порядка он имеет право суда и наказания над всеми гражданами, вплоть до права жизни и смерти. В качестве верховного жреца он определяет совершение общенародных жертвоприношений.

Народное собрание, представляющее разные курии, обсуждало новые законы, вопросы гражданства, частно-правовой жизни, внутренней и внешней политики (например, объявление войны, о заключении мира). Разве эта структура власти не напоминает современную? В различных режимах меняется только значимость каждого из трех элементов, степень открытости или, наоборот, закрытости и сакральности.

Здесь возникает еще один любопытный аспект. Открытость и закрытость власти давно интересуют политологов и философов. Достаточно упомянуть о работе К. Поппера "Открытое общество и его враги", в которой закрытость автор связывает с наличием в стране внутреннего тоталитарного национализма, оживлением племенной психологии, распространением морального принципа коллективной ответственности, уравниловкой, враждебным отношением к другим народам и ко всем инакомыслящим.

История римского права периода республики тоже поучительна с точки зрения зарождения нравственных норм — критериев в политической жизни. Территориальное расширение Рима привело к тому, что в организации государственного устройства необходимо было учитывать разнообразие территорий. Их жители имели разный гражданский статус и в зависимости от него делились на 2 группы:

1. Полноценные граждане, наделенные всеми нравами. Это была самая привилегированная категория, удел немногих.

2. Те, кто получали полную правоспособность в области гражданских отношений, но не имели политических прав. Внутренняя автономия их муниципий ограничивается, для управления ими посылаются из Рима особые префекты.

В то же время жители этих общин в определенных отношениях оставались для римлян чужестранцами и в этом своем качестве были лишены права сделки. Хотя для защиты их имущественных прав постепенно создаются особые нормы. Общины, потерпевшие в борьбе с Римом решительное поражение, утратили всякую внутреннюю самостоятельность, свое управление и управляются начальниками, посылаемыми из Рима. Правда, добровольная сдача Риму предполагала хотя и слабый, но элемент договора. Там где не было такой сдачи, наступала оккупация (*occupatio*), произволу Рима уже не было никаких ограничений, жители как военнопленные обращались в рабов. В это же время разрабатывается социальный закон городского устройства (45 г. до н. э.), определяется особое юридическое отношение к землям, находящимся под владычеством Рима, но за пределами Италии — провинциям (*provincia*). Таким образом, можно сделать следующий вывод: неравенство жителей, порожденное естественными факторами (территориальным, географическим), было закреплено в праве.

Историю Древнего Рима принято делить на три периода: царский (754—510 гг. до н. э.); республиканский (509—28 гг. до н. э.); императорский (27 г. до н. э.— 476 г. н. э.). После — распад империи и деление ее на Западную (столица — Рим) и Восточную (столица — Константинополь).

Элементами государственной власти в республиканском Риме являются народное собрание, сенат и магистратура.

В народных собраниях находит реальное выражение идея народного верховенства. Собрание при этом определенным образом организуется, имеется несколько видов собраний. В собрание вносятся законопроекты, голосование проводится в открытой и закрытой (письменной) форме. Магистратуры — власть на местах. Магистраты — представители государственного "величества". Должность магистрата — не служба, а почесть, это власть выборная и безвозмездная. Но она имела и ограничения: магистраты избирались на год, действовал принцип коллегиальности, возможность привлечения к суду за должностные действия (принцип ответственности).

Эта стройная система была не лишена издержек. Как и сегодня, лицо, желавшее выставить свою кандидатуру на ту или иную должность, проводило свою агитацию. При этом были и злоупотребления, и подкупы. Об этом свидетельствуют законы, направленные на борьбу с недобросовестной агитацией. Цензура играла различную роль в жизни общества. В лучшую пору республики она имела облагораживающее влияние на политическую жизнь, но так было не всегда.

Для защиты, прежде всего плебейского сословия от произвола магистратур, существовали народные трибуны, то есть своеобразные контролеры, магистратура против магистратур. Они приобрели постепенно право протеста против устанавливаемых общих норм в целях защиты социально низших народных слоев.

Итогом правового развития описанного периода римского государства является система права, опирающаяся на 2 источника:

— право цивильное (система норм гражданского законодательства):

— права человека: эти нормы заимствуются из общих обычаев международного торгового оборота, в котором принимают участие деловые люди разных стран и национальностей: по своему содержанию это право общенародное, оно отличалось большей свободой и гибкостью. Многие положения его перешли путем обычая или закона из преторского эдикта в оборот между гражданами, вытеснив специфические римские нормы. Положительное значение этих норм в том, что они наводили римских юристов на мысль о том, что существует некоторое общее для всех народов право, состоящее из правил, признаваемых одинаково всеми, например, родство, почитание родителей, реакция против причиненного зла и т.д. Задаваясь вопросом о причине такой общности, они полагали, что причиной является сама природа человека (или даже природа всех животных). С этой точки зрения такое право, диктуемое самой природой, стали называть естественным правом или *jus naturale*. Покровский И. А. считал, что появление двух понятий "права человека" и "естественное право" свидетельствовало о первых шагах юридической мысли в более широкой области — философии права.

С этими понятиями связано и понятие "справедливости", которое представляли как нечто, охватывающее принципы морали, социальной политики. Государство Цицерон определяет как дело, достойное народа, как выражение общего интереса всех его свободных членов, но одновременно и как согласованное правовое общение этих членов, как правовое образование, как "общий правопорядок". Как бы возвращаясь к авторитетным для него представителям древнегреческой мысли, он вновь подчеркивает, что в основе стремления к государственному образованию — не страх и слабость людей, а их врожденная, естественная потребность жить вместе. Возникновение государства, по Цицерону, отвечает всеобщим требованиям природы, в том числе — человеческой природы. Именно благодаря тому, что люди самой природой наделены "семенами" разума и справедливости, что им доступно постижение божественных начал, стало возможным само возникновение упорядоченного человеческого общения, добродетелей, государства и права.

Анализируя три формы правления (царскую власть, власть аристократии, власть народную —

демократию), он считал наиболее лучшей смешанную форму, объединяющую достоинства каждой. Ибо в чистом виде каждая из них — уродлива. Тирания владыки или толпы, господство клики — уже не являются формами государства, в этом случае оно просто отсутствует в понимании государства как общенародного дела и достоинства народа.

Отстаивая смешанный тип государства, Цицерон как практический политик занимал "срединную" позицию, лавируя между приверженцами политических ориентаций, выражающих интересы верхов и низов общества. Его последующая борьба против надвигающейся военной диктатуры привела к гибели: он был включен в списки лиц, подлежащих смерти без суда, и казнен обезглавливанием.

Естественное право — высший, истинный закон. Право устанавливается природой, а не человеческими решениями и постановлениями. Закон, устанавливаемый людьми, не может нарушить порядок в природе. Соответствие или несоответствие человеческих законов природе (и естественному праву) выступает как критерий и мерило их справедливости или несправедливости. Вот образец справедливости: тот, кто разумно повелевает, рано или поздно должен будет подчиняться, а тот, кто покорно подчиняется, достоин того, чтобы рано или поздно начать повелевать.

В учении Цицерона содержится деление писаного (в отличие от естественного) права на частное и публичное. Римское право в целом и творческое наследие Цицерона оказали большое влияние на всю последующую культуру, на взгляды христианских мыслителей, деятелей эпохи Возрождения, французских просветителей.

Исторический экскурс оказывается очень полезным для анализа современных тенденций: разорванность целостности отечества в сознании человека, удаление от жизни, увлечение чувственной стороной или старание добыть средства к жизни путем пронырливости и хитрости, или насилия. Некоторые ищут себе утешение в философии различных направлений: стоицизм, эпикуреизм, скептицизм. Беспомощность римского мира, его состояние стали "муками родов другого, более возвышенного духа, который открывается в христианской религии".

12. Позитивное право и мораль

Понятие "позитивное право" вошло в употребление в XIX веке, с развитием позитивистского направления в философии. Позитивизм в философии был следствием развития естественнонаучных знаний. Законы физики, биологии переносились на общество. Еще с XVIII века — эпохи французского просвещения — началась эра социального проектирования. В кругах политических деятелей, юристов было распространено убеждение, что с помощью совершенных законов можно изменить общество, улучшить его. Пафос возможного усовершенствования общества и человека с помощью науки, разума, образования, воспитания стал смыслом этики нравов.

Таким образом, человек, в соответствии с этой теорией, превратился в *объект* воздействия на него внешней среды, стал "результатом" математического уравнения, в котором все составляющие величины могут быть просчитаны и учтены. Казалось, что и в рождающемся массовидном обществе второй половины XIX — начала XX века (нового типа общества, где развивается крупное производство, используется массовый труд и развиваются столь же массовые формы досуга, образования, развлечений и т. д.) социальные нормы — гарантия упорядоченности. Так называемое нормирование стало проникать всюду: норма труда, норма необходимого потребления, норма здоровья, нормативы в проектировании массовых жилищ, городов, вокзалов, больниц, школ. Возникла иллюзия, что норма — основа цивилизации.

Позитивизм в праве имеет двойной смысл. Если иметь в виду право в широком смысле слова, то понятие "положительное", "позитивное" применимо к различным разновидностям права: религиозному нраву, обычаю, ритуалу, морали. То есть положительным правом охватывается все то, что устоялось, принято, догматизировано. В этом же смысле классическим положительным правом является римское право.

Несколько иной смысл придается позитивному нраву, начиная с XIX века, с появлением философского позитивизма. Здесь правовой позитивизм относится уже к реально существующему юридическому праву, праву в узком значении слова, праву государственному.

В то же время позитивистским в правопонимании становится признание причинно-следственного механизма (принцип связи причины со следствием), лежащего в основе ньютоновской физической картины мира. Одним из направлений позитивизма в праве является нормативизм.

Позитивистская позиция по своей природе консервативна. Она догматизирует не только юридические законы, но и лежащие в их основе социальные нормы. Представители нормативистского направления в праве ратуют за полное очищение закона и правовой нормы от следов их социального происхождения, они рассматривают норму как чистый продукт человеческого интеллекта.

Другим направлением позитивизма в праве стал логический позитивизм или юриспруденция понятий, выдвигающие на первый план логическую безупречность юридических суждений и конструкций. И здесь логика разума, интеллекта затмила логику (в действительности же — алогизм) жизни.

Пытаясь восстановить утраченную связь между логикой закона и жизнью, представители неопозитивизма (Р. Карнап, Г. Л. Харт) выдвинули идею конвенциализма, то есть рассмотрения права "как они его представляют", конвергенции позитивного права с нормами естественного права, "которые законодатель должен соблюдать":

— первый тип — законодательные установления, требующие от людей действовать или воздерживаться от действия;

— второй тип — совокупность норм, определяющих процессы создания, изменения и функционирования норм первого типа. Эти нормы в свою очередь подразделяются на: а) нормы признания (указывающие на существование других правовых норм); б) нормы изменения; в) нормы процесса (правила вынесения судебного решения).

А. Этатический позитивизм мыслит право как инструмент и форму осуществления государственной политики.

Б. Социологический позитивизм стремится вскрыть социальные истоки правовых государственных актов с помощью изучения интересов, нужд людей; расширяет правовую основу за счет включения в ее сферу разнообразных общественных отношений.

Итак, трем разновидностям юридического позитивизма соответствуют три сферы правовой действительности: государство, общество, человек.

Необходимо разобраться в достоинствах и недостатках позитивного права, учитывая, что у него и сегодня много приверженцев. Свое развитие и обоснованность позитивное право получает в эпоху возникновения массового общества, становления индустриальной цивилизации, требующей адекватной формы управления, регулирования, манипулирования массовым поведением. Единая управленческая функция в этих условиях реализуется государством, которому требуются единые унифицированные рычаги, роль которых и выполняет право. При этом позитивное право обнаруживает по-своему сильные стороны: его доступную каждому выраженность в письменной форме (1), его унифицированную для всех и каждого норму (2), его государственную обеспеченность (добавим — и заинтересованность) (3).

С помощью хороших законов можно изменить ситуацию: в основе подобных взглядов, еще раз подчеркнем, объектоцентристская позиция понимания человека: не человек себя утверждает в мире, свободно развивает свое творческое начало, реализует нравственные ценности, а условия диктуют ему форму жизни, современное государство и его институты присвоившие себе функцию руководить

человеком.

Понятно, что детально прописанная норма облегчает жизнь, делает поведение прозрачным, то есть понятным и предсказуемым. Мечту о таких нормах показали авторы социальных утопий А. Платонов, Дж. Оруэлл. Отметим, что нормативизм имел разную судьбу в странах с различными политическими режимами: тоталитарных, демократических, восточной и западной специфики. Отечественный вариант нормативистской морально-правовой модели ярко описан в социологических романах А. Зиновьева.

13. Живое право как источник правовой морали

В XX веке возникла идея соответствия права разнообразию жизненных ситуаций, условий, соответствия живой жизни. Отсюда — появление термина "живое право". Как пишут современные теоретики, происходит рационализация естественного права (Ю. Хабермас). Одновременно право приобретает все более конвенциональный характер, вызванный необходимостью диалога людей, диалога общественных систем, цивилизаций. Частное право стремится предоставить максимум возможностей, свобод предпринимателю, гражданину. Детальная нормативность уступает место общим принципам, установленным на конвенциональной основе. А частные задачи реализуются в региональном, местном, национально-территориальном и т. п. праве. Обнаруживается огромное испаханное потенциальное правовое поле. Права в ее живом варианте не хватает. Не хватает и нравственных ценностей, ибо они были выхолощены годами господства формальных норм.

Таким образом, сама жизнь, эмпирическая реальность, опыт становятся источниками новой правовой и юридической этики — при условии взвешенного и тщательного их изучения с помощью инструментария самых разных наук (антропологии, социологии, социальной психологии, регионологии и т. д.). Ю. Хабермас в своей работе "Знание и интересы" вводит понятие "когнитивный интерес", которое у него выражает как естественное, так и рациональное начало процесса жизни.

Под живым правом мы понимаем эмпирическую реальность, жизнь, гражданские отношения. Реальный поток "живой" жизни создает поле для правовой рефлексии, для так называемого судебного прецедента, который в эпоху римского права был зафиксирован в преторском праве, а позднее в Англии — в праве судей. Живое право есть реакция на принимаемые законодателем нормативные документы. Живое право связано с социальной психологией групп, с психологией разных возрастов, с климатом, ландшафтом, национальными особенностями, с этносом, с особенностями жизни в регионах.

Представление о живом праве дают специально организованные "съемы" информации: социологические исследования, экспертные аналитические данные, журналистские расследования; информацию эту можно получить и косвенным путем — через искусство, художественное творчество, культурную жизнь. Живое право имеет много общего с обычаями, религией, естественным правом.

В итоге можно заключить, что перечень источников правовой морали невозможно ограничить. Мы остановимся только на основных. Безусловно, на ее развитие оказывают влияние научные открытия, технические изобретения — все, что оказывает влияние на жизнь человека и является продуктом творчества человека.

Особое место в ряду гносеологических источников правовой морали принадлежит антропологии — учению о человеке. Естественнонаучная и медицинская антропология определяет место человека в царстве живых существ. К ней относятся анатомия, физиология, учение о расах и т.п.

Данные естественнонаучной антропологии имеют к право-вой этике косвенное отношение. Ибо далеко не все здесь определяется человеческим вмешательством. В то же время новейшие открытия в биологии человека (возможности изменения пола, дети "из пробирки", механизм клонирования, трансплантация человеческих органов, медицинская криминологическая экспертиза и т. п.) не только нуждаются в правовом оформлении, но требуют, прежде всего, нравственной оценки и уже на ее основе — принятия правовых решений.

Мы не будем подробно останавливаться на работах авторов, а отошлем читателя к специальной литературе. Здесь же позволим себе остановиться на главных открытиях антропологической философской школы, которые оказали решающее влияние на современное право, этику, социальную психологию, педагогику и другие науки, связанные с изучением человека.

Можно назвать три плодотворные идеи, которые оказали влияние на мысль XX века и носят парадигмальный характер. Антропологическая парадигма XX столетия связана с именем Макса Шелера. Осмыслив формулу Ницше о человеке как незавершенном животном, Шелер показал человека как свободное, открытое, "мыслящее существо". У человека есть возможность саморазвития, самоизменения. Как биологическое существо человек ущербен, ограничен, но как мыслящее — он бесконечен. Здесь нет ориентиров, нет указанного маршрута: человек, как заметил Фромм, приговорен искать человеческое в себе самом.

Мысль Шелера о незавершенности человека он развил дальше. В человеке преобразуется все — и его природа, и присущая ему субъективность. Этот вывод позволил Фромму сделать заключение о том, что человек не является от природы добрым или агрессивным, что в нем скрыты истоки всего возможного: разрушительности, деструктивности, ненависти и авторитарности. Более того, и разум человека не является всегда равной себе величиной, он по-разному обнаруживает себя в конкретные культурные эпохи.

Человек, по Фромму, — исток и завершение антропологической картины. Человеческое бытие принципиально свободно, ничем не сковано. Человек не то, что есть. Он таков, каким может быть. Фромм близок к экзистенциалистской традиции: понять человека через противоречия его собственного бытия, через способ его существования. Главное противоречие человека Фромм видит в том, что, будучи природным существом, человек постоянно отрицает свою природу, в этом его драма. Индивидуальность человека в его страстях, стремлениях. Любовь, страх, вера, властолюбие, фанатизм... Не они ли правят

миром? Кто-то стремится к успеху и престижу, кто-то, напротив, вынашивает аскетические идеалы, иной пытается властвовать. Этот набор ценностных установок Фромм называет системой ориентации и поклонения.

Эрих Фромм в работе "Человек для самого себя" вводит сферу человеческой субъективности. Человек, по его мнению, плохо адаптируется к наличным социальным условиям, потому что он наделен страстями, вожделениями, побуждениями. И может быть, именно в том, что он неуправляем, стихия по самой своей природе, и есть его спасение. Предположим, человек смог бы приспособиться к тому, чтобы жить в обществе, где господствует государственная собственность. Хорошо это или плохо? Человеческий род превратился бы в сообщество рабов.

Аристотель в "Никомаховой этике" разделил блага человеческой жизни на три группы: внешние, духовные и телесные. К классификации человеческих потребностей обращались многие философы. Они пытались развести то, что относится собственно к человеку, и то, что он обретает в погоне за ложными фетишами. С этой точки зрения уместно вспомнить, что Шопенгауэр, обращаясь к истолкованию человеческого бытия, сводил различия между людьми к 2 основным категориям:

1) Что имеет индивид — то есть всякого рода собственность и владение.

2) Чем индивид представляется. Под этим выражением, как известно, понимают, каков он в представлении других, то есть, собственно, как они его представляют.

Рассматривая отчуждение как деперсонализацию. Э. Фромм весьма подробно анализирует негативные проявления этого феномена по отношению к человеку. Так, если влечение к творчеству не получает реального выхода, возникает тяготение к разрушению. Психическое напряжение таково, что если человек не может соединить себя с миром в акте творчества, то рождается побуждение к устранению и разрушению мира. Так парадоксально решает человек проблему устранения одиночества. Таким образом, творчество и разрушение — это не инстинкты, это ответы на человеческую ситуацию в конкретном обществе. Альтернатива вполне четкая — творить или уничтожать.

Человеческое бытие Фромм понимает как становление человека, как совершенствование его духа. Самоочевидно, что любое рассуждение о нравственности, о ценностных ориентациях, о совести и долге может складываться на почве философского постижения человека. Ценности, как считает Фромм, вырастают не из разума личности и не из глубин бессознательной. Их исток — богатейший мир человеческой субъективности, спонтанности.

Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, отражают иные по сравнению с наукой аспекты окружающей действительности. Они соотносятся не с истиной, а с представлениями об идеале. Обращаясь к сочинениям европейских философов, Фромм ищет в них прежде всего истолкования мотивов поведения и страстей человека. Даже конкретные этапы человеческой истории Фромм оценивает по своеобразному критерию — мере человеческого счастья, благополучия и психологической гармоничности.

По мнению Фромма, человек, плохо приспособившийся к социальной структуре, вовсе не должен третироваться как невротик. В той же мере хорошо приспособленного индивида неразумно относить к более высокому разряду по шкале человеческих ценностей. Хорошая приспособленность, как считает Фромм, часто достигается, путем отказа от собственной индивидуальности. Вот почему иногда невротик может быть охарактеризован как человек, который не сдался в борьбе за собственную независимость. Его желание спасти индивидуальность, стало быть, побудило его вместо творческого развития личности искать удовлетворения в фантамах и фантазиях.

Говоря о характере, Фромм подразумевает ту относительно устойчивую психическую структуру человека, которая определяет направленность его конкретного поведения, мышления, чувств и поступков. По словам Фромма, основная задача социального характера состоит в том, чтобы канализировать энергию данного общества для непрерывного его развития.

Фромм известен как один из глубоких и проницательных исследователей "авторитарного характера". Предложенная им модель сыграла огромную роль в изучении нацизма и сходных феноменов. Однако ученый показал, что бегство от свободы как специфическое явление современности присуще не только тоталитарному строю. В демократических обществах обнаруживают себя и другие механизмы, которые также уводят человека от вожделенной спонтанности и свободы.

В книге "Бегство от свободы" Фромм подробно описал, например, встречающиеся в обществе любого типа формы мазохистских феноменов. Мазохист, чтобы спастись от одиночества, стремится подчиниться кому-нибудь: другому человеку, социальному институту, богу. Ему присуще чувство собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности.

Деструктивность отличается уже тем, что ее цель — уничтожение, устранение объекта. Но корни разрушительности — бессилие и изоляция индивида. Носитель деструктивного характера, только разрушая окружающий мир, может избавиться от чувства собственного бессилия перед его лицом. Разрушить мир — это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру уничтожить меня. Цель садизма — поглощение объекта, цель разрушительности — ее устранение. Садизм стремится усилить одинокого человека за счет его господства над другими, деструктивность — за счет ликвидации любой внешней угрозы.

Авантюра человеческого саморазвития зависит не только от психологического самоощущения индивида. Существенные ориентиры задают человеку социум, культурные императивы. Втискивая себя в

конкретный характер, личность утрачивает многие черты собственной неповторимости. Ведь процесс социализации начинается уже с того мгновения, когда индивид определяет себя и свое отношение к другим людям. Развитие той или иной формы общения приводит к формированию социального характера, то есть стабильности.

Как показывает современная антропология, целый ряд мировоззренческих установок, взглядов, убеждений объясняется и обосновывается их *антропогенной укорененностью*. К числу таких явлений можно отнести и фашизм, и организованную преступность, и подростковую агрессивность, и многое другое. Каким бы совершенным ни был нормативистский механизм в праве, он не в состоянии отразить все многообразие человеческого "злого гения".

14. Нравственное содержание правоохранительной деятельности

Главная суть деятельности правоохранительных органов непосредственно обнаруживается в их названии: это исполнение важнейшей конституционной обязанности государства — охрана и защита прав и свобод человека и гражданина. Все остальные их функции — охрана общественного порядка, собственности, борьба с преступностью, пресечение антиобщественных проявлений и др. являются элементами этой важнейшей обязанности. И сами правоохранительные органы, в свою очередь, являются элементом, одной из главных структур государства — той властной структурой, которая является гарантией права как система социальных норм и отношений, организующей нормальную жизнедеятельность того или иного общества.

Основными методами, через посредство которых правоохранительные органы осуществляют свою деятельность, являются профилактика правонарушений (т. е. воспитательная работа с гражданами) и принудительные санкции, принимающие в крайних случаях форму прямого насилия. Причем, как это видно из вышеприведенного определения, понятие «властная сила» (т.е. действия, опирающиеся на принуждение, на насилие) является основной характеристикой деятельности правоохранительных органов.

И здесь возникает вопрос: может ли быть принуждение, тем более, прямое насилие, нравственным? Что оно необходимо на данном уровне развития общества, а, следовательно, целесообразно и неизбежно, сомнений в принципе не возникает; дискуссии ведутся лишь по поводу сфер применения, степени насилия, но что касается моральности насилия, то позитивное или негативное решение этого вопроса уже длительное время и по сегодняшний день разделяют ученых (и практики, конечно, тоже) на два направления: моралистское и реалистическое. Первое направление хорошо известно всем еще со школьной скамьи, когда благодаря творчеству Льва Толстого мы познакомились с концепцией «непротивления злу насилием» (верующие знакомятся с ней даже раньше, поскольку она изложена в «Нагорной проповеди» Иисуса Христа). Эта же концепция лежит в основе движения пацифистов и ряда других, основанных на принципах гуманизма. Подобной точки зрения придерживаются и многие современные ученые, такие, как например, выдающийся философ, социолог и историк XX века Макс Вебер, который утверждает: «с моральной точки зрения принуждение всегда оценивается отрицательно, даже в тех случаях, когда оно, пожалуй, единственное средство для политики».

Реалистическое направление исходит из принципиального единства права и морали как отражения и выражения общих интересов тех или иных социальных групп и классов, которые в этих двух формах приобретают нормативное, регулятивное и императивное значение, и, следовательно, отличаются друг от друга не по сути, а по механизмам их реализации. В отечественной мысли получило широкое распространение именно реалистическое направление, которое полагает принуждение и насилие необходимым компонентом любой формы социальной жизнедеятельности. С этой точки зрения говорить о безнравственности насилия — значит оторвать нравственность от социальной практики и переместить ее в сферу пустых абстракций. Предельно четко эта позиция сформулирована современным русским философом В. В. Денисовым:

«Свое конкретное выражение социальное насилие находит в применении или угрозе применения определенной группой, классом, государством, общественной системой различных форм, методов и средств прямого или косвенного принуждения и подавления (политических, экономических, военных, юридических и т.д.) в отношении других групп, классов, государств, общественных систем...». Приведенное определение помогает нам понять, что понятие нравственного не противоречит насилию, а взаимодействует с ним. Иными словами, насилие, так же как и всякое другое деяние может носить как нравственный, так и безнравственный характер. Этот подход позволяет нам перейти к рассмотрению нравственного содержания правоохранительной деятельности.

Люди, далекие от подлинного представления о деятельности правоохранительных органов, как правило, не задаются вопросом о нравственном содержании этой работы. С точки зрения обывателя, эти подразделения используют лишь средства устрашения и насилия — правового и физического. И, как они полагают, существующие в этой сфере требования — это требования к умению применять эти средства. Они не знают, что в работе сотрудников правоохранительных органов громадную значимость имеют нравственные качества: честность, любовь к людям, справедливость, самоотверженность, смелость, доброжелательность и многие другие, в том числе и чувство высокой ответственности за свои действия перед обществом. Наличие этих качеств у сотрудника служит обязательным мериллом его профессионализма, и на воспитание этих качеств направлены значительные усилия руководителей, работников воспитательных и кадровых аппаратов, служебных коллективов. Требования к этой стороне службы предъявляются как обществом, так и служебными документами, в частности, например, статьей 58-«л» «Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации», согласно которой работник, за совершение проступков несовместимых с требованиями, предъявляемыми к личным, нравственным качествам сотрудника органов внутренних дел, увольняется со службы.

Поэтому вполне естественно, что сотрудникам правоохранительных органов постоянно приходится задаваться вопросом, насколько справедливы те или иные их поступки и действия. И по-настоящему профессиональным оказывается тот, кто оценивает свои действия не только с точки зрения закона, но и по чести, и по совести, тот, кто, по выражению В. Г. Белинского, «не хочет счастья и даром», если не может быть уверенным в справедливости своих действий (вспомним, что справедливость — одна из основных категорий и нравственности, и права).

Не хлебом единым жив человек, не только материальными благами, но прежде всего правдой и свободой, совестью и частью, нравственностью и гуманизмом. И те свойства человеческого характера, которые традиционно рассматривались как высокоморальные устои личности, являются неотъемлемой стороной служебной деятельности сотрудника правоохранительных органов, показателем совершенства его профессионального мастерства, уровня его нравственного и культурного развития.

Любой человек живет и трудится в обществе, и это не только деятельность живущих ныне людей, стремящихся достичь своих целей. Это и система отношений, сложившихся веками, и принципы общественной нравственности, которые человек обязан учитывать и уважать, и господствующие в этом обществе идеи, теории и взгляды, сопровождающие каждый трудовой процесс. Именно потому положительное мнение о личном составе правоохранительных органов, об их служебной деятельности может получить положительную реакцию, уважение, одобрение и поддержку народа, когда она будет соответствовать духу национальных традиций, нормам нравственности, укоренившимся в обществе.

В IV веке до н. э. Аристотель писал, как происходит становление гражданина. В 18 лет юноша приходит на Народное собрание и дает клятву: я буду соблюдать законы, чтить отеческие святыни, буду сражаться за Отчизну, если это необходимо. А потом идет на два года в армию. И лишь после этого становится полноправным гражданином. Уже в древности люди понимали, на чем стоит держава. А сегодня мы видим, как многие упорно отказываются от любых обязанностей перед своим государством: невыгодно, трудно, опасно.

Во всем мире государственная служба менее выгодна, чем предпринимательство. Но сознание того, что общество наделило тебя властью, высокий престиж государственной службы (не говоря уже о гарантированной пенсии и многочисленных льготах) компенсирует определенные материальные издержки. Уважение общества, почитание «людей государственных» — важнейший показатель духовного и нравственного здоровья общества, прочности и стабильности государства.

Конечно, главной сущностью службы является служение закону. Но при этом следует всегда твердо помнить, что сам по себе закон не является самоцелью, он существует во имя общественного блага. И закон — благо только при том условии, если он осознается обществом как воплощение справедливости, то есть как воплощение высшего нравственного начала, обеспечивающего нормальную жизнедеятельность общества и государства. Если же закон начинает восприниматься гражданами как несправедливый, тем более безнравственный и бесчеловечный, то его исполнение производит прямо противоположный, то есть общественно-дестабилизирующий эффект.

Почему вопрос здесь поставлен таким образом? Прежде всего, потому, что, к сожалению, существует не так уж мало работников правоохранительных органов, которые, думая, что служат закону, исполняют свои обязанности с казенным бездушием, не видя за буквой закона живых людей. Из приведенного выше анализа отчетливо видно, что подобное исполнение служебных обязанностей нередко приводит к недовольству законом, а иногда и к враждебному отношению к внутренней политике государства.

Речь идет в данном случае, разумеется, не о противопоставлении интересов государства и чьей-либо личности, не об умалении или пренебрежении требованиями закона. Закон свят. И святая обязанность сотрудника правоохранительных органов ни в каких случаях не поступаться законом. Но если для немца главным принципом общественной жизнедеятельности является «орднунг», т.е. порядок, иными словами, тот же закон, если Христос был распят прежде всего за то, что противопоставлял любовь к людям закону иудейской религии, то для россиянина главным является жизнь «по правде и по совести», и с позиции своих убеждений он ожидает, что закон служит этому же принципу. И одна из главных обязанностей сотрудника правоохранительных органов — исполнять свой служебный долг, иными словами, выполнять веления закона так, чтобы они носили нравственный характер, служили бы претворению в жизнь требований социальной справедливости.

Таким образом, сотрудник правоохранительных органов постоянно находится в сфере нравственного воздействия общества и своей служебной структуры. С одной стороны, он испытывает воспитательное нравственное воздействие общества, которое формирует его в соответствии с принципами общественной нравственности, а с другой, он своей деятельностью сам оказывает воспитательное воздействие на граждан — положительное, если исполнение им требований закона служит делу социальной справедливости и осознается гражданами как глубоко нравственное, отрицательное, если его действия воспринимаются гражданами как несправедливые и, тем самым, безнравственные.

Вот те основания, на которых построена воспитательная служба в правоохранительных органах. Она имеет много аспектов, но нравственное воспитание, куда органически входит воспитание у сотрудников чувства патриотизма и коллективизма, чувства социальной справедливости, уважительности к людям, является главной формой воспитательной работы как руководителей органов и подразделений, так и сотрудников воспитательных и кадровых аппаратов, служебных коллективов. Требования в этой области деятельности правоохранительных органов запечатлены в ряде служебных документов практически с самого начала их деятельности. Одним из первых было требование внимательного отношения к людям. Подчеркивалось, что грубость, хамство, бестактность, черствость, превышение власти несовместимы с пребыванием в органах. Сотрудник в любой ситуации должен вести себя вежливо, корректно, милосердно.

Его действия должны быть не только строгими и решительными, но всегда справедливыми и понятными населению.

В плане развертывания поставленной проблемы следует обратить внимание на взгляды выдающегося русского философа В. С. Соловьева, изложенные им в труде «Нравственность и право», где он, в частности, отмечает: «В самом существе безусловного нравственного начала как заповеди или требования совершенства, еще не достигнутого, уже заключается признание относительного элемента нравственности — именно необходимых реальных условий достижения... образует правовую область, а сравнительное преобладание стороны безусловной — собственно нравственную область...»

Различия между нравственностью и правом: 1) неограниченность чисто нравственного и ограниченность правового требования; в этом отношении право есть низший предел, или определенный минимум нравственности; 2) право требует главным образом "объективной реализации этого минимального добра или действительного устранения известной доли зла; 3) в этой реализации право допускает принуждения".

Общее определение: право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра или порядка, не допускающего известных проявлений зла. Основание для этого в нравственности. Нравственный интерес требует личной свободы как условия для человеческого достоинства и нравственного совершенствования; но человек не может существовать и, следовательно, иметь возможность свободы и совершенствования иначе, как в обществе; итак, нравственный интерес требует, чтобы внешние проявления личной свободы сообразовались с условиями существования общества, то есть не с идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех. Эта безопасность, не обеспеченная безусловным законом, нравственным самим по себе, как не существующим для людей безнравственных, ограждается принудительным законом юридическим, имеющим силу и для них.

Уважение к праву — явление, формирующееся в процессе развития общественных отношений, правовой культуры общества. Об уважении к праву говорилось с момента его зарождения. И сегодня проблема знания законов и воспитания граждан в духе уважения их остается одной из актуальных.

«Почтительное», «уважительное» отношение — это связь между людьми. Всякая такая связь проявляется в соответствующем поведении. А поведение, основанное на уважении, обязательно предполагает удовлетворение притязаний уважаемого. Именно такой смысл следует вкладывать в понятие «уважение к закону».

Понимая уважение как «почтительное отношение», как чувство, необходимо заметить, что задача воспитания и уважения к закону состоят не только в том, чтобы воздействовать на чувства человека, но и в том, чтобы влиять на поведение, соответствующее этим чувствам.

Таким образом, уважение к закону предполагает поведение, соответствующее его нормам, и проявляется в готовности сознательного исполнения его требований.

Но для того чтобы достичь в этом деле положительных результатов у населения, необходимо комплексно решать задачу, связанную с его правовым воспитанием. И здесь первостепенная роль принадлежит сотрудникам правоохранительных органов.

В этих целях они активно используют печатную пропаганду, телевизионные передачи, правовое обучение, художественные средства правового воздействия и т. д.

Именно здесь заложены известные резервы углубления знаний о государстве, демократии и праве. Не случайно в нашей стране получили широкий размах соответствующие классы в общеобразовательных школах, милицейские колледжи, где учащиеся изучают азы правовых знаний; на курсах повышения квалификации инженерных, хозяйственных специалистов стали правилом выступления сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем, ключевая роль в процессе правового и право-послушного воспитания населения принадлежит низовому звену, сотрудникам, непосредственно «стоящим на земле». И одной из центральных фигур этого звена является участковый инспектор полиции — человек в самом прямом смысле этого слова входящий в каждый дом, вступающий в непосредственный контакт с множеством граждан, ближе всех других работников правоохранительных органов стоящий к населению. Его рабочее место — конкретный микрорайон, конкретный административный участок. Он всегда на переднем крае. От результатов его работы прежде всего зависят общие конечные результаты борьбы с преступностью.

Нравственная сущность служения сотрудников правоохранительных органов обществу и государству — один из важнейших факторов воспитания у людей уважительного отношения к закону. Необходимость усиления правового воспитания населения обуславливается ныне возрастанием роли права в регулировании общественных отношений, повышением активности народных масс в сфере государственно-правового строительства. Сотрудники правоохранительных органов присущими им специфическими формами и методами проводят широкое информирование граждан о действующем законодательстве, обеспечивают воспитание у них убежденности в целесообразности и социальной справедливости законов, сознательного их исполнения как главной предпосылки искоренения правонарушений, укрепления законности и правопорядка.

Эффективность работы по правовому воспитанию, уважительному отношению к закону во многом определяется наличием системы, охватывающей различные категории населения с учетом их возрастных,

образовательных, профессиональных и других особенностей и предусматривающей определенную целеустремленность и последовательность в изучении основ законодательства и конкретных правовых норм.

Особое внимание надлежит уделять правовому воспитанию подрастающего поколения, налаживанию работы в условиях учебного и трудового коллективов, повышению правовой подготовки должностных лиц, хозяйственных руководителей, руководителей самых разных коммерческих структур. В работе по формированию правосознания населения громадная роль отводится средствам массовой информации — печати, телевидению, радио, а также литературе и искусству.

В деятельности по воспитанию высокой правовой культуры трудящихся, их уважительного отношения к закону особая ответственность ложится на юридические органы и учреждения — суды, прокуратуру, полицию, адвокатуру, правовую службу различных банковских, коммерческих и иных формирований.

Строжайшее соблюдение законности в деятельности юридических учреждений, всемерное усиление профилактической направленности в их работе, повышение профессиональной культуры и воспитательного значения судопроизводства, улучшение приема граждан, рассмотрение их жалоб и заявлений — важная предпосылка укрепления правосознания граждан, их уважительного отношения к закону.

Сколько раз каждому из нас приходилось оказываться в ситуации, которая требовала выбора: от простых жизненных вопросов до сложных проблем, определяющих судьбу и затрагивающих интересы многих людей. Как поступить? Какой выбор сделать?

«Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достойно ли терпеть без ропота позор судьбы. Или надо оказать сопротивление. Восстать, вооружиться, победить. Или погибнуть? Умереть. Забыться».

Эти слова шекспировского героя в полной мере раскрывают всю сложность, противоречивость, трагичность морального выбора. Если в повседневной жизни человек действует как индивид, и каждый сделанный им выбор, совершенный поступок характеризуют его лично, то в профессиональной деятельности все действия работника правоохранительных органов воспринимаются окружающими как действия представителя государственного органа, наделенного соответствующими властными полномочиями, являющегося олицетворением и воплощением государственной власти. С одной стороны, это облегчает ему выбор поступка, поскольку закон и ведомственные инструкции диктуют определенный тип поведения. Но с другой стороны, это порождает целый ряд коллизий, когда приходится выбирать между личными убеждениями и требованиями «мундира».

Анализ морали как системы норм и ценностей позволяет увидеть ее как общественное явление в статическом состоянии. Изучение морали с точки зрения морального выбора дает возможность раскрыть ее динамическую сторону, увидеть, как работают нормы, принципы, нравственные ценности и оценки в практике общественных отношений.

Моральный выбор иногда трактуют слишком узко, лишь как сознательный акт принятия человеком решения. Но для того, чтобы это решение было принято, необходимо наличие определенных объективных и субъективных предпосылок и условий выбора, возможностей познания этого выбора. Кроме того, принятием решения не заканчивается акт выбора. Продолжением его служит выбор средств реализации решения, практическое его осуществление и оценка результата. Поэтому при рассмотрении морального выбора в поле зрения попадают почти все объективные и субъективные компоненты поведения человека.

С этой точки зрения структура морального выбора может быть представлена следующим образом: формулировка проблемы, познание вариантов выбора, принятие решения, выбор средств достижения цели, практическая реализация выбора (процесс достижения цели), получение результатов и их оценка.

При этом следует учитывать, что выбор человеком пути решения проблемы зависит от объективных и субъективных условий. К числу объективных условий можно отнести наличие вариантов выбора поведения и возможности их реализации. Субъективные условия включают в себя уровень нравственного развития личности, степень усвоения ею нормативных требований той или иной системы морали, развитость чувства долга, совести и другие нравственные характеристики личности.

Диапазон целей, которые встают перед человеком, группой или обществом и определяют необходимость морального выбора, достаточно широк. Он характеризуется и степенью общности субъекта (личность, группа, общество), и значимостью (удовлетворение сиюминутной потребности или наиболее полная реализация интересов субъекта выбора), и уровнем сложности (простая, ясная, легкодоступная цель и цель, требующая преодоления трудностей, связанная с большими материальными, физическими или моральными затратами). Соответственно, нравственная оценка различных целей будет неоднозначна.

Цели, стоящие перед правоохранительными органами и их сотрудниками, обусловлены задачами борьбы с преступностью, несут социально значимый характер, имеют глубоко гуманистическое содержание. Однако это не означает, что любая цель, которую преследуют правоохранительные органы или их сотрудники, автоматически приобретает положительное нравственное содержание. Это содержание зависит от соблюдения законности, уровня правосознания, форм и методов деятельности и многих других факторов. Поэтому в каждом конкретном случае требуется всякий раз по-новому оценивать возникающую цель.

Для того чтобы выбор поступка был наиболее эффективным и с практической, и с нравственной стороны, человек должен познать все варианты возможных действий, чтобы затем определить среди них наилучший с его точки зрения. Специфика борьбы с преступностью вносит некоторые особенности в

познание вариантов выбора, главная среди которых состоит в том, что сотрудникам правоохранительных органов достаточно часто приходится делать моральный выбор в ситуациях риска, когда трудно выяснить все возможные варианты выбора.

Отсутствие достаточной информации для принятия решения может толкнуть человека на совершение необдуманных действий, когда во имя долга и идеала он не обращает внимания на обстоятельства и последствия своих поступков. Это тип авантюрного поведения, нередко связанный с проявлениями индивидуализма, честолюбия, стремления выделиться, безответственности.

Другой тип поведения в рискованных ситуациях — так называемый «гамлетизм», когда человек отказывается от решительных действий из-за боязни ошибиться. «И вянет, как цветок, решимость наша в бездумье умственного тупика», — эти шекспировские слова достаточно полно характеризуют такое поведение. Но при этом следует учитывать, что отказ от выбора — это тоже форма выбора, к тому же не всегда лучшая.

Характер правоохранительной деятельности, связанный с острым противоборством, нестандартными ситуациями, значительно обостряет проблему выбора в условиях риска. Эту проблему подметил еще Аристотель в своей работе «Никомахова этика», когда выделил действия субъекта «по неведению» и «в неведении». Действия «в неведении» — когда человек сознательно избирает незнание, неведение. Действия «по неведению» имеют место тогда, когда остаются неизвестными некоторые частные или случайные обстоятельства, которые помимо воли действующего лица изменяют смысл поступка (когда, скажем, сотрудник ГАИ, пытаясь задержать преступников и не зная, что в салоне автомобиля помимо них находится еще ребенок, случайно ранит этого ребенка). Установление того, является ли действие произвольным, представляет порой трудную задачу, идет ли речь об установлении обстоятельств по уголовному делу или о разбирательстве по служебному проступку сотрудника.

Специфика борьбы с преступностью нередко обуславливает ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов в силу тех или иных причин не заинтересованы в познании всей совокупности возможных вариантов выбора, а ограничиваются познанием лишь некоторых из них, то есть сознательно выбирают неведение. Например, следователь, выдвинув одну, понравившуюся ему следственную гипотезу, не изучает другие, менее вероятные, на его взгляд, варианты совершения преступления. Но в силу скрытого характера преступной деятельности те обстоятельства, которые представляются следователю несущественными, могут на самом деле оказаться наиболее значимыми, то есть выбор, сделанный этим следователем, окажется неверным по его вине.

Иная ситуация возникает, когда приходится действовать «по неведению», то есть когда варианты поведения независимо от воли человека остаются от него скрытыми и поэтому его действия могут иметь иной смысл, нежели он предполагал. В правоохранительной деятельности такие ситуации нередки, поскольку преступники в большинстве случаев стараются скрыть истинные обстоятельства своей вины и направить действия правоохранительных органов на выбор ложного варианта. Кстати, и в приведенном выше примере действия следователя «в неведении» дополняются действиями «по неведению», что приводит к неверному выбору поведения.

Если будет установлено, что выбор действия был сделан правильно, но его осуществлению помешали объективные условия или условия, которые сотрудник не мог предвидеть, нравственная оценка этих действий должна быть положительной. Отрицательной оценки заслуживают те ошибки в выборе, которые вызваны некомпетентностью морального решения, нецелесообразностью избранных средств.

Конечно, трудно дать какую-то формулу определения значения того или иного поступка в рискованных ситуациях, но можно попытаться выяснить, правильный ли выбор сделал человек. Если сотрудник правильно соотнесет значение упущенной в результате выгоды с возможным в случае неудачи ущербом, соизмерит вероятность успеха с вероятностью неудачи и в результате придет к обоснованному выводу о целесообразности рискованных действий, то независимо от их исхода и последствий не может быть речи о привлечении его к ответственности. Напротив, в случае неудачи у него должна быть закреплена установка на оправданный риск. Подлежит ответственности тот сотрудник, который идет на неоправданный риск, но еще в большей мере тот, кто не выполняет возложенных на него обязанностей, бездействует из боязни последствий.

Если при выявлении вариантов выбора мораль играет роль регулятора, направляющего на наиболее полное и всестороннее исследование обстоятельств и возможностей выбора, то на этапе выбора варианта поведения ей отводится решающая роль.

Важнейшую роль в выборе варианта поведения играет нравственная мотивация. Почему именно этот поступок наиболее предпочтителен? Чем обосновывается такой выбор? Эти вопросы в наибольшей степени характеризуют выбор варианта поведения.

Выбор всегда означает признание приоритета (предпочтения) одной ценности перед другой. В одних случаях обоснование выбора и сам выбор не вызывают затруднений, в других связаны с острой борьбой мотивов. Ситуации второго рода обычно называют нравственными конфликтами.

15. Нравственные конфликты в правоохранительной деятельности

Правоохранительная деятельность в силу острого противоборства с преступниками, использования специфических сил и средств достаточно часто ставит сотрудников в ситуации нравственного конфликта. Данные конфликты возникают при наличии противоположной направленности мотивов, когда субъекту приходится мысленно «взвешивать» общественную необходимость, выраженную в требованиях долга, и личные планы, рационально осознанные мотивы и идущие вразрез с ними желания, когда возникает колебание между выбором близких и дальних целей, когда человека тревожит выбор между большим и меньшим злом и т. д.

Особенность нравственного конфликта состоит в том, что в сложившейся ситуации выбор любого поступка как следование той или иной норме морали ведет к нарушению другой нормы. Сложность здесь состоит не столько в том, что человек может не знать некоторых нравственных норм и потому не в состоянии сделать выбор, а также не в том, что он не желает выполнять требования морали, сколько в необходимости разрешить столкновение этих требований.

Примером может служить ситуация, когда перед сотрудником правоохранительных органов, производящим обыск на квартире подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, встает дилемма: либо произвести осмотр постели больного человека, находящегося при смерти, либо, руководствуясь гуманными соображениями, отказаться от этого. Сложность подобных ситуаций состоит еще и в том, что преступник нередко придерживается иной системы моральных ценностей и, зная, что нормы морали для сотрудников правоохранительных органов имеют высокую степень императивности, старается использовать это в своих интересах.

Среди конфликтов, имеющих профессиональное значение для сотрудников правоохранительных органов, следует обратить внимание на внешние и внутренние конфликты. Внешние конфликты проявляются как острые нравственные противоречия между людьми (личность — общество, личность — группа, личность — личность, группа — группа, группа — общество). Они выражают расхождение направленности ценностных ориентаций отдельных личностей, социальных групп и общества.

Природа внутренних конфликтов иная. Их источником является сложность, разнохарактерность самих мотивов личности, находящихся в подчинении и соподчинении друг другу.

Разрешение внутреннего конфликта может явиться в ряде случаев поводом к возникновению внешнего. Так, принятие человеком решения сотрудничать с правоохранительными органами на конфиденциальной основе может быть, например, результатом разрешения внутреннего конфликта между страхом разоблачения в той среде, в которой ему приходится работать, и осознанием необходимости такого сотрудничества в пользу последнего, что может привести к возникновению внешнего противоречия (конфликта) между негласным помощником и средой его деятельности (если эта среда имеет противоположную моральную направленность).

Особенность деятельности сотрудника правоохранительных органов состоит в том, что иногда ему приходится работать в преступной среде, скрывая свою принадлежность к государственным структурам. В этих ситуациях в сознании человека одновременно сосуществуют две нравственные системы — одна, которую он разделяет сам, и другая, которую разделяет преступная среда и в соответствии с которой он должен строить свое поведение в этой среде. Вспомните хотя бы случай из кинофильма «Место встречи изменить нельзя», когда сотрудник уголовного розыска Шарапов внедряется в банду «Черная кошка».

В сознании человека в таких ситуациях одновременно конфликтно взаимодействуют различные системы моральных ценностей. С этой точки зрения данный конфликт может быть назван внутренним. Однако специфика внутреннего конфликта состоит в том, что для него характерна борьба норм, ценностей, мотивов, признаваемых личностью в качестве верных. Для внешнего конфликта, напротив, характерно отрицание правильности противоположных убеждений, взглядов, ценностей, идей. Сотрудник, работающий в чуждой среде, вынужден скрывать свое конфликтное отношение к той системе моральных ценностей, которая господствует в этой среде. Такое положение вызвано не ситуацией морального выбора (выбор сотрудником уже сделан), а особенностями оперативной работы. Поэтому данный конфликт можно назвать скрытой формой внешнего конфликта.

Форм проявления моральных конфликтов в правоохранительной деятельности существует множество. Они обусловлены конкретными особенностями того или иного направления этой деятельности, специфическими условиями, в которых осуществляется эта деятельность, социально-психологическими характеристиками участников конфликта и другими обстоятельствами.

Развитие конфликта приводит к его разрешению, то есть выбору определенного варианта поступка или поведения. Здесь важно помочь человеку определить правильную позицию, лежащую в основе принимаемого им решения. Причем эта позиция будет тем более прочной, чем более осознаваемые человеком моральные требования превращаются в его убеждения. Этот вопрос имеет практическое значение для правоохранительной деятельности, в частности, для работы с негласными помощниками. Негласный помощник может осознавать правильность принятого им решения сотрудничать с правоохранительными органами, иметь верное представление о моральной стороне этого решения, сознательно и добровольно выполнять задания оперативного работника и при этом субъективно, психологически не чувствовать внутреннего удовлетворения от своего поведения. Так бывает, когда

осознание своего поведения не превратилось в устойчивые убеждения, чувства, привычки. Негласный помощник может совершать правильные поступки и мотивировать их, но это не всегда мотивация убеждения. Воля к самопринуждению, чувство долга — это тоже высокие мотивы положительного поведения, но все-таки ставить их на один уровень с мотивацией убеждения, которая характеризует высший тип нравственного поведения, нельзя.

В литературе предпринимаются попытки выработать рекомендации, способствующие преодолению и разрешению нравственных конфликтов. В качестве общего принципа при этом выдвигается положение об иерархии нравственных ценностей, системе предпочтений (общественный долг, например, рассматривается как более высокий по сравнению с частным).

Аксиомой в разрешении моральных конфликтов нередко является положение о приоритете общественного интереса перед частным. К сожалению, в действительности это положение понимается и реализуется подчас весьма упрощенно и грубо. Конфликтную ситуацию нередко разрешают простым принесением интересов отдельной личности в жертву общему интересу, не замечая при этом, что ситуация при более тщательном анализе обнаруживает, может быть, несколько более сложный способ своего разрешения, но зато такой, при котором реализация общего интереса не потребует каких-то жертв от индивида. Подчинение личного общественному — это крайний, хотя и довольно часто встречающийся вариант разрешения тех ситуаций, в которых другого выхода быть не может. Для оптимального выхода из конфликтной ситуации необходима не только готовность личности пожертвовать собственными интересами, но и усилия общества по удовлетворению интересов личности. Только в таком встречном движении от личности к обществу и от общества к личности и возможен правильный моральный выбор.

Решение, принятое в ситуации выбора, для своей реализации требует определенных средств достижения поставленной цели. С этой точки зрения средства выступают промежуточным звеном между собственно выбором и целью. Данный этап морального выбора представлен в виде проблемы соотношения цели и средств ее достижения. Для деятельности правоохранительных органов решение этой проблемы представляет не только чисто научный, но и практический интерес, что обусловлено характером их работы и спецификой используемых ими средств.

Вопрос о том, как соотносятся цели, выдвигаемые людьми, со средствами, которые применяются для их достижения, служил камнем преткновения в течение многих веков. В своей классической формулировке он выражался следующим образом: оправдывает ли цель любые средства? При этом подразумевается благородная цель.

История этической мысли выдвинула два альтернативных ответа на вопрос о соотношении цели и средств, наиболее ярко воплотившем в концепциях макиавеллизма и так называемого абстрактного гуманизма.

Первая концепция известна как принцип «цель оправдывает средства». Она исходит из того, что средства обусловлены целью, подчинены ей, в то время как цель независима от средств. В качестве основного критерия для выбора средств выдвигается их эффективность для достижения цели, нравственная сторона при этом в расчет не берется.

Вторая концепция придерживается прямо противоположной позиции, согласно которой ни какая цель не оправдывает средства. Средства совершенно независимы от цели и обладают самостоятельностью и своей ценностью: либо положительной, либо отрицательной. Так, если иезуиты как представители первого направления считали, что любое насилие оправдано, если оно помогает быстрейшему достижению цели, то сторонники движения ненасилия признают насилие абсолютным злом, не допустимым ни в коем случае. По мнению последних, в зависимости от того, каковы средства, такова будет и цель: благородные средства определяют благородную цель, безнравственные средства ведут к достижению безнравственной цели. Другими словами, основа этой концепции заключается в тезисе: не цель оправдывает средства, а напротив, средства определяют цель.

Естественно, в своих крайних формах апология иезуитизма или абстрактного гуманизма встречается относительно редко. Даже сам Макиавелли, с именем которого связывают принцип «цель оправдывает средства», не был сторонником полного отказа от учета нравственного содержания средств, используемых для достижения цели.

Правоохранительная деятельность, пожалуй, как ни одна другая, требует научного решения проблемы соотношения цели и средств. Во многом это связано с не всегда положительной оценкой в общественном мнении как используемых в ней средств, так иногда и самих целей, когда они направлены, например, на защиту политических сил, реализующих не государственный, а свой личный или групповой интерес. Но даже наличие благородной цели защиты безопасности личности, общества и государства не ограждает используемые правоохранительными органами средства и методы деятельности от неоднозначной оценки со стороны общественной морали. Понятно, что сотрудники данных государственных органов не могут взять на вооружение ни концепцию макиавеллизма, ни концепцию абстрактного гуманизма, поскольку и та, и другая абсолютизируют крайности при решении вопроса о соотношении цели и средств. Наиболее правильной следует признать позицию, в соответствии с которой цель и средства объективно взаимосвязаны, находятся в состоянии диалектического взаимодействия.

В соответствии с этой позицией признается обусловленность средств, выбираемых людьми, целью, стоящей перед ними. Но в то же время не отрицается и обратное влияние средств на цель, признается, что средства могут искажать благородную цель. Средства должны соответствовать поставленной цели. В этом соответствии цель играет доминирующую роль. Именно она определяет состав средств, обуславливает их нравственное содержание.

Соответствие цели и средств означает, что в своем единстве они дают поступок или поведение, которые могут быть оценены как нравственно положительные, несмотря на то, что цель или средство как самостоятельные явления могут быть отрицательными. Так, скажем, борьба с преступностью сама по себе однозначно оценивается как нравственно положительное явление, а принуждение по отношению к человеку вряд ли может получить такую оценку. Однако, когда мы рассматриваем борьбу с преступностью и принуждение как цель и средство, эта однозначность исчезает. Если суд за совершение разбойного нападения назначает преступнику наказание в виде лишения свободы с отбыванием наказания в тюрьме — это справедливая мера наказания, показывающая соответствие средства (тюремное заключение как вид принуждения) цели (борьба с преступностью) и имеющая положительную нравственную оценку, несмотря на использование в принципе негативного средства. И напротив, лишение свободы за переход улицы в неположенном месте рассматривалось бы как несправедливое, поскольку в данном случае нарушен принцип соответствия цели и средства.

Критерием для определения положительной или отрицательной ценности поступка или поведения может быть признан следующий: нравственно допустимым считается поступок, совершение которого повлекло за собой меньшие материальные, физические, нравственные или иные издержки, нежели его несовершенство. Или иначе, если результат, достигнутый с помощью данных средств, окажется по своему значению выше, чем ущерб, нанесенный применением этих средств.

По сути этот же критерий положен в основу юридической ответственности в ситуации крайней необходимости, что говорит о единстве нравственной и правовой норм, действующих в подобных ситуациях. Так, не является преступлением деяние, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным кодексом, но совершенное в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей интересам государства, общественным интересам, личности или правам данного лица или других граждан, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред.

В правоохранительной деятельности нередко возникают ситуации, когда для достижения благородной цели необходимо использовать средства, связанные с ущемлением прав и свобод личности. Безусловному осуждению подлежат действия, когда из всего наличия средств для достижения цели выбираются заведомо негативные, хотя, возможно, и самые эффективные. Сложнее обстоит дело, когда обстоятельства предоставляют лишь такие средства, которые нельзя однозначно признать нравственно положительными. Если моральные издержки от используемых средств перекрывают нравственную ценность цели, то нужно категорически отказываться от достижения цели. Скажем, если действия в рамках необходимой обороны оцениваются как необходимые и допустимые, то превышение этой меры квалифицируется уже как уголовно наказуемое деяние. В данном случае неправильный выбор средств (при положительной цели) приводит к негативной оценке поступка.

В ситуации определения соответствия цели и средств мы имеем дело с предполагаемыми последствиями от использованием тех или иных средств и достижения той или иной цели. Это положение важно как в процессе выбора, так и при оценке результатов выбора. Разница состоит лишь в том, что в первом случае все возможные последствия являются предполагаемыми (возможными), во втором они налицо (действительны).

Таким образом, выбор средств достижения цели может быть признан верным при соблюдении следующих условий:

- полного изучения предполагаемых последствий от достижения цели и от использования каждого из имеющихся в распоряжении средств;
- изучения возможностей наступления этих последствий;
- соотнесения предполагаемых последствий от избранного средства с последствиями использования других средств или отказа от достижения цели.

Признание выбора правильным не означает, что при реальном его осуществлении всегда получаются предполагаемые результаты, что связано с наличием случайности, а также со скрытыми от человека, совершающего выбор, объективными обстоятельствами, которые могут повлиять на конечный результат. В таком случае этот человек не подлежит ответственности, поскольку выбор поступка им был сделан правильно, хотя и в силу не зависящих от него обстоятельств он оказался неверным.

При рассмотрении проблемы морального выбора, в том числе соотношения целей и средств в правоохранительной деятельности, неоднократно вставал вопрос о допустимости и границах применения мер правового принуждения, специальных средств борьбы с преступностью. С одной стороны, несомненно, что использование этих средств правоохранительной деятельности вызвано объективными

обстоятельствами. Без применения правового принуждения, средств оперативно-розыскной деятельности невозможно эффективно бороться с таким социальным злом, как преступность. С другой стороны, также очевидно, что эти меры ущемляют личную свободу граждан, пусть даже подозреваемых или совершивших преступление. Сам по себе факт ограничения личной свободы граждан, взятый вне социальных условий, не может быть признан положительным. Но всякая оценка дается не абстрактным, а конкретным явлениям. Конкретно-исторический подход признает вмешательство в личную жизнь граждан, ограничение их свободы как в принципе негативное, но в то же время допускает возможность и даже необходимость такого вмешательства для ограждения личных интересов или интересов других граждан, общества, государства от преступных посягательств на них.

Нельзя не учитывать и того, что использование мер правового принуждения оказывает не всегда положительное влияние на самих сотрудников правоохранительных органов. В частности, может произойти деформация морального сознания и даже изменение некоторых личностных качеств. Например, может сформироваться установка на допустимость применения любого принуждения, вмешательства в личную и общественную жизнь граждан, произойти снижение ценности человеческой свободы, привыкание к «изнанке» жизни и т. п. Поэтому известный русский мыслитель И. А. Ильин, много внимания уделивший вопросу о «сопротивлении злу силою», предупреждал, что только лучшие люди способны на такую работу, не заражаясь ею. Они должны твердо знать, где, в чем и почему их деятельность отступает от заветов праведности, и допускать это не более, чем того требует необходимость борьбы со злом.

Таким образом, речь должна идти не о возможности применения мер правового принуждения и средств оперативно-розыскной деятельности в принципе (такое применение обусловлено объективными обстоятельствами борьбы с преступностью), а о том, какова мера, обоснованность их применения в каждом отдельном случае.

В оценке деятельности правоохранительных органов нередко используется двоичная формула «нравственное-безнравственное», которая имеет и глубокие исторические корни. Еще древние стоики утверждали, что как палка бывает или прямая, или кривая, так и поступок — или справедлив или несправедлив. Согласно такой позиции мораль, чужда каких бы то ни было расчетам и безразлична к количественной стороне: нет существенной разницы между тем, кто крадет золото из банка, и тем, кто крадет булку из лавки. Нравственность, с этой точки зрения, в равной мере порицает и те и другие поступки. Но в действительности никогда не бывает абсолютно белого или абсолютно черного. Реально существует огромный спектр оттенков, располагающихся между этими абсолютами. Точно также любой поступок имеет свой нравственный «оттенок». В приведенных выше рассуждениях игнорируется реально существующее различие между злом, причиненным, допустим, одному человеку, и оскорблением, нанесенным всему обществу; между неуважением, проявленным к человеку, и предательством по отношению к нему. Не случайно даже терминологически существует «количественная» градация нравственности. Одну степень осуждения мы вкладываем в выражение «он совершил неэтичный поступок» и другую — в выражение «он совершил безнравственный поступок», хотя и в том и в другом случае речь идет о нарушении требования морали, но значимость этих нарушений различна. Давая, например, одинаковую положительную оценку действиям сотрудника правоохранительных органов, который идет под пули бандитов, захвативших заложников, и действиям оперативного работника, вынужденного скрывать от близких и знакомых истинный характер своей работы, нельзя не заметить их различную нравственную ценность. В первом случае речь идет о безусловнонравственном поступке, во втором — о пограничном с безнравственным.

Следовательно, диапазон понятий «нравственное» и «безнравственное» достаточно велик. Причем даже в тех явлениях, которые получают безусловно нравственно положительную или отрицательную оценку, всегда содержится элемент противоположной оценки. Так, в первом случае приведенного выше примера жертвенность сотрудника во имя жизни других людей омрачается возможностью его гибели или ранения, горем его близких и друзей и т. д., что уже привносит негативное содержание в это явление, и в то же время данный факт усиливает положительную ценность поступка сотрудника. В этом состоит диалектика нравственности: чем большее зло преодолевается поступком, тем выше его положительное содержание, и чем больший ущерб причиняется человеку, борющемуся со злом, тем более ценным является его поступок.

Все поступки людей могут быть расположены на одной линии с двумя уходящими в бесконечность полюсами: к абсолютной нравственности и абсолютной безнравственности. На этой линии просматриваются различные виды поведения, среди которых выделяются идеальное, желательное, допустимое, в совокупности составляющие положительное (должное) поведение и отрицательное (недопустимое) поведение. Учитывая характер деятельности правоохранительных органов, особое внимание нужно уделить нравственно допустимому поведению как наиболее значимому для них и неоднозначно оцениваемому.

Идеальное поведение опирается на общечеловеческие ценности. Это императив, норма-идеал, вытекающая из сущностной основы человека и объективной потребности в установлении действительно человеческих форм взаимоотношений между людьми. Таково, например, поведение человека,

руководствующегося принципом «не лги» без каких бы то ни было исключений.

По сути, любая норма нравственности, будучи абсолютизированной, т.е. когда она рассматривается как обязательная всегда, везде, при любых обстоятельствах, превращается в норму-идеал и при определенных условиях становится невыполнимой и даже безнравственной.

Иначе говоря, требования к идеальному поведению не всегда находят достаточно объективные условия для своей реализации. Поэтому часть положительного поведения, которая не имеет условий для своей реализации на практике в массовых масштабах, становится желательным поведением. Общество не может требовать от людей такого поведения, но оно может ориентировать их на него, создавать условия для его реализации. Так, обеспечение личной безопасности каждого человека — это область должного поведения, но существующие общественные отношения, к сожалению, не позволяют реализовать это требование в полной мере.

Но если моральные нормы и принципы не могут реализоваться в действительности в полной мере и в массовом масштабе, то есть не укладываются в рамки идеального и желательного поведения, означает ли это, что все остальное поведение должно быть отнесено к безнравственному? Давая положительный ответ на этот вопрос, мы допустили бы большую ошибку. Можем ли мы признать нравственно идеальным или желательным поведением действия сотрудника полиции, который, защищая жизнь человека от вооруженного преступника, подчас рискуя при этом собственной жизнью, наносит последнему смертельное ранение? Едва ли кто признает убийство человека в принципе соответствующим идеальным или желательным формам человеческих отношений. Но в то же время в данном конкретном случае ни у кого не вызывает сомнения, что мужество сотрудника оценивается по высшей шкале нравственных ценностей. Как писал Гегель, «суды, войны не только имеют право убивать людей, но это их долг, однако при этом точно определено, по отношению к какого типа людям и при каких обстоятельствах это дозволено и является долгом».

Оценивая такие поступки, мы нередко называем их нравственно оправданными. Но, пожалуй, более правильно было бы вести речь о нравственно допустимых поступках и поведении, к числу которых относится использование мер правового принуждения и специальных средств оперативно-розыскной деятельности.

Понятия «нравственная допустимость» и «нравственная оправданность», на первый взгляд, тождественные понятия, что не лишено основания, поскольку в нравственное оправдание нередко вкладывается тот же смысл, что и в нравственную допустимость. Однако между ними есть и существенные различия, которые можно увидеть, раскрывая *содержание нравственной допустимости*, которое сводится к следующему: Нравственная оправданность носит в большей степени субъективный характер. Она предполагает, что оправдываются аморальные, выходящие за рамки нормы поступки или поведение, на совершение которых человека вынудили обстоятельства. С этой точки зрения, например, дезинформация противника должна быть признана безнравственной, хотя и оправданной. Точно так же безнравственными следовало бы считать целый ряд средств и методов правоохранительной деятельности, например, использование агентурных сообщений о преступной деятельности, оперативно-технических средств в целях выявления, предупреждения и пресечения этой деятельности, так как подобные действия не являются нравственно идеальными. Едва ли такой подход можно считать соответствующим действительности.

Нравственная допустимость, напротив, опирается на объективные основания. Она исходит из того, что совершен (предполагается совершить) поступок, который укладывается в рамки нравственности, но вследствие действия объективных обстоятельств не является идеальным с точки зрения критерия морали. Когда мы говорим о нравственно допустимом поступке или поведении, то, не отрицая его «нежелательного» характера, тем не менее, признаем его нравственным. Так, идеалом был бы отказ от мер правового принуждения по отношению к нарушителям закона, но такой отказ был бы безнравственным по отношению к другим гражданам и обществу, поскольку открывает простор преступной деятельности. Вот почему в ситуации «использовать или не использовать меры правового принуждения и специальные средства оперативно-розыскной деятельности» предпочтение отдается использованию этих мер и средств как наиболее гуманному и справедливому. Поэтому Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепил положение о том, что «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга».

Чем более низок уровень преступности, тем выше должна подниматься планка нравственной допустимости и тем меньше возможностей должно быть для использования правоохранительными органами названных средств.

Таким образом, *нравственно допустимое поведение* — это поведение, хотя и отвечающее требованиям морали, но находящееся на границе нравственного и безнравственного, это «минимум нравственности».

Конкретный поступок человека может не нести в себе высшие идеалы гуманизма, но быть необходимым для достижения благородной цели. Допустимый поступок — это наиболее приемлемый в данных условиях с точки зрения всех критериев поступок. Следовательно, понятие нравственной допустимости означает приращение положительной оценки таким действиям, которые не выступают идеалом нравственности, но являются наиболее нравственными в тех или иных условиях. Идеальное и желательное поведение соответствуют требованиям нормы-идеала, допустимое поведение — требованиям нормы-меры. Норма-мера указывает не на цель, а на границы поведения, которое можно назвать нравственным.

Допустимое поведение отступает от нравственного идеала, но является нормой для данных конкретных обстоятельств возникает, как правило, в результате разрешения нравственных конфликтов и выражает меру возможного отступления от моральных норм в случае их столкновения. Так, конфликтное столкновение двух нравственных норм — необходимость обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств и недопустимость ограничения личной свободы человека порождает компромиссную норму, допускающую ограничение личной свободы, но в строго определенных законом пределах. Если отдать предпочтение норме обеспечения безопасности при полном игнорировании личной свободы, можем получить ситуацию, хорошо описанную Дж. Оруэллом в романе «1984». Казалось бы, чем больший контроль над поведением граждан будет установлен, в том числе с помощью средств оперативно-розыскной деятельности, тем меньше возможностей для совершения преступниками противоправной деятельности. Но необоснованное расширение такого контроля приводит к противоположному результату, когда средство — защита человека для обеспечения его личной свободы — превращается в цель. А прежняя цель (личная свобода) исчезает. И наоборот, полный отказ от средств обеспечения безопасности личности, общества и государства, затрагивающих личную свободу граждан, развязал бы руки преступникам и тем самым сделал эту свободу невозможной.

Как врач, который вынужден использовать средства лечения, доставляющие больному неудобства и боль, так и правовая система вынуждена защищать права и свободы граждан и законные интересы общества, используя средства, не совсем удобные для общества, но необходимые для поддержания его социального здоровья.

Другое дело, в какой мере допустимы эти средства. В истории правоохранительной деятельности немало примеров, когда, излечивая одну «болезнь», неумеренное употребление «лекарств» вызывало другую: желая оградить человека от преступной деятельности, ущемляли его личную свободу. Вот почему так важно верно определять меру допустимого поведения в каждой конкретной ситуации.

Нравственная оправданность не позволяет дать разграничение нравственных и безнравственных поступков, ибо если что-то оправдывается, то уже как бы предполагается, что оправдывается безнравственное, поскольку нравственное поведение не имеет смысла оправдывать. Поэтому в данном случае требуется определить, насколько, в какой мере оправдано безнравственное поведение. Таким образом, оправданию можно подвергнуть любое аморальное действие, так как аргументы для такого оправдания всегда можно подыскать. Тем самым нравственное оправдание не имеет своего предела.

Нравственная допустимость, напротив, устанавливает предел, границу, за которой начинается безнравственное. Критерием для определения этого предела являются не субъективные аргументы, а совокупность объективных условий. Поэтому, например, можно найти оправдания для следователя, в прямом и переносном смысле выколачивавшего в 1937 году из подсудимых необходимые для «дела» показания, но нельзя признать его действия нравственно допустимыми.

Разграничение оправданности и допустимости позволяет решить и проблему так называемого добродетельного обмана, к которому относится, в частности, дезинформация противника, легендирование оперативно-розыскной деятельности и некоторые другие средства правоохранительной деятельности. Нередко на уровне обыденного сознания правда отождествляется с положительной нравственной ценностью, а ложь — с отрицательной. Это имеет под собой основание, так как в подавляющем большинстве случаев положительной оказывается правда.

Признание любого обмана аморальным восходит еще к Августину Блаженному и находит своих последователей на протяжении всей истории этической мысли. Так, И. Кант считал ложь недопустимой, даже если это ложь во спасение. Но поскольку в ряде случаев обман все-таки признается необходимым, появляются различные попытки оправдать добродетельный обман, считая его тем не менее аморальным. Однако подобное «оправдание» наносит больше вреда, чем признание добродетельного обмана положительным, поскольку позволяет оправдать любой обман, так как снимает границу между нравственным и безнравственным, границу допустимости обмана. К этому следует добавить, что и правда не всегда нравственна. Раскрытие перед преступниками плана проводимой правоохранительными органами операции вряд ли может получить положительную оценку.

Точно так же оценивается и умолчание. С одной стороны, государственная, следственная, врачебная тайна — это формы умолчания, имеющие положительное нравственное содержание. С другой стороны, умолчание о совершенном преступлении из-за желания «умыть руки», остаться в стороне осуждается моралью. Не случайно Эрих-Мария Ремарк говорил, что умывающие руки, как правило, умывают их в крови. Так, о подготовке к захвату автобуса с заложниками в аэропорту Минеральных Вод, приведшему к

человеческим жертвам, знали по меньшей мере пять человек, не имевших отношения к преступлению, но никто из них не постарался предупредить его.

До недавнего времени от широкой общественности тщательно скрывался факт использования правоохранительными органами негласных помощников, казалось бы, с благой целью — не возбуждать в народе излишней подозрительности. Но если защита безопасности личности и общества осуществляется в их интересах, то они вправе знать, какими средствами достигается эта безопасность. Если же эти средства скрываются, то вполне естественно может возникнуть подозрение: либо эти средства используются не по назначению, либо имеются иные средства, более гуманные и приемлемые для общества, но не совсем удобные для правоохранительных органов. Если в действительности ни то, ни другое не верно, то нет оснований для сокрытия от общественности тех средств обеспечения безопасности, которые применяются для защиты интересов личности, общества и государства. Ссылки на то, что тем самым мы расшифруем эти средства перед преступниками неуместны, поскольку последние прекрасно осведомлены о них. Другое дело, если речь идет о конкретных формах и способах применения этих средств. Здесь принцип конспирации должен действовать в полной мере. Поэтому закрепление в законе об оперативно-розыскной деятельности специальных средств и условий их применения придает им не только правовую, но и нравственную основу.

При различии оправданности и допустимости очень важен психологический аспект. Нравственная оправданность у людей с обостренным чувством справедливости вызывает постоянные угрызения совести за аморальность своих действий, что на первый взгляд, казалось бы, хорошо. Но в действительности это может вылиться в два негативных типа поведения. Во-первых, в отказ от нравственно необходимых в данных условиях поступков во имя абстрактного принципа и тем самым фактически в отказ от выбора наиболее правильного поведения. Примером такого типа поведения может служить отказ гражданина сотрудничать с правоохранительными органами на том основании, что эта деятельность противоречит его нравственным принципам. Воспринимая любой вид тайного сообщения кому-либо какой бы то ни было информации как аморальный поступок, этот человек отождествляет доносительство как безусловно безнравственное поведение с оказанием помощи в борьбе с преступностью, имеющей противоположную нравственную оценку. Во-вторых, психологические переживания, вызванные ложными представлениями о нравственном и безнравственном, могут привести к совершению действительно аморальных поступков, к так называемой стыдливой безнравственности, когда угрызения совести, призванные стоять на границе моральности, теряют ориентиры и размывают эту границу.

В отличие от оправданности нравственная допустимость, основанная на понимании того, что в данных условиях именно такое поведение является единственно возможным, то есть в наибольшей степени отвечающим требованиям нравственности, позволяет человеку обрести уверенность в правильности своих действий и в то же время не дает ему возможности переступить черту, отделяющую допустимое поведение от недопустимого. Это не значит, что человек лишается угрызений совести, принося их в жертву рационализму. При нравственно допустимом поведении человек должен испытывать такие угрызения не за отступление от нормы-идеала, а за то, что, имея возможность в данных условиях выбрать наиболее удовлетворяющий нравственным требованиям вариант поведения, выбрал другой, менее нравственный, но более отвечающий тем или иным его интересам и потребностям.

Не может быть какого-то единого правила, рецепта, руководствуясь которым человек безошибочно определял бы единственно верный в данных условиях вариант поведения, но жизнь выработала, хотя иногда и критикуемый, но, тем не менее, наиболее приемлемый в подобных ситуациях критерий «наименьшего зла». Невозможность выполнения моральной нормы-идеала в полном объеме в силу объективных обстоятельств, столкновение норм при выборе варианта поведения приводят к необходимости взвешивания последствий выполнения разных норм, чтобы ущерб от невыполнения тех или иных норм был наименьший. В практическом плане это означает необходимость всесторонне взвесить все последствия и принять решение, наиболее соответствующее принципам гуманизма и справедливости.

В этой связи важно отметить, что решение о допустимости использования того или иного средства деятельности правоохранительных органов может быть признано верным, если будут учтены все или по меньшей мере наиболее значимые последствия, которые может предвидеть человек, выбирающий это средство. В любых действиях учитываются прежде всего их прямые последствия. Однако эти последствия могут иметь значение как для самого человека, так и для других людей, в том числе общества.

С точки зрения морали важно учитывать интересы как отдельной личности, так и социальной группы или общества. В практике деятельности правоохранительных органов бывают ситуации, когда человек, отстаивая свои законные, признанные обществом интересы, причиняет ущерб другим людям и даже целым группам людей (например, при необходимой обороне, в борьбе с несправедливостью и т. п.). Следовательно, не все те действия, в которых преобладают эгоцентрические интересы и возникают соответствующие последствия, являются безнравственными. Безусловно, порочным следует признать лишь такое поведение, когда ущерб от действий человека в названных ситуациях превышает его моральные (и законные) права на защиту своей жизни, чести и достоинства. Скажем, спасая свою жизнь, человек достигает этого ценой гибели других ни в чем не повинных людей. Многие следователи в годы сталинских

репрессий понимали, что отправляют в лагерь или на смерть безвинных людей, но отказ любой ценой выполнять установку вождя об усилении борьбы с окопавшейся контрреволюцией мог обернуться теми же последствиями для самих следователей. Наиболее честные, не поступившие своей совестью, гражданским и профессиональным достоинством, сотрудники правоохранительных органов, которые не пожелали причинять зло другим, разделили участь жертв сталинского режима. Другие же, не смея протестовать против беззакония, фактически раскручивали маховик репрессий, нередко опять-таки сами попадая в число жертв.

В повседневной жизни при принятии, казалось бы, правильного решения или при определении меры ответственности за те или иные действия не так уж редко ограничиваются учетом лишь прямых последствий. Когда не принимаются во внимание побочные последствия этих действий, которые могут иметь возможно большее значение, чем прямые, то это может, в конечном счете, привести к прямо противоположному результату. К таким побочным следует отнести те последствия, которые либо не связаны непосредственно с полученным результатом, но влияют на последующие действия человека (например, безнаказанность при совершении противоправного деяния сотрудником правоохранительных органов помимо прямых последствий от этого поступка оказывает влияние на правосознание нарушителя закона, провоцирует на совершение других подобных поступков, снижает авторитет правоохранительных органов, приводит к недоверию к правовой системе, неверию в справедливость и т. п.) либо имеют значение для тех членов общества, которых этот поступок непосредственно не касается, но чьи интересы он затрагивает. Так, напряженные отношения между начальником и подчиненным сказываются не только на их поведении по отношению друг к другу, но и на взаимоотношениях в коллективе. Нередко внутриколлективные отношения отражаются и на служебной деятельности.

Нравственные последствия чаще всего являются опосредованными, побочными. Но они обладают той особенностью, что внешне, казалось бы, бесполезные, неэффективные, не имеющие непосредственной ценности поступки приобретают высокое социальное значение. Безоружный сотрудник полиции бросается на защиту человека, ставшего жертвой нападения группы вооруженных преступников, заранее зная, что проиграет в этой схватке, но повинувшись требованиям долга. С точки зрения практической эффективности его поступок лишен рациональности, но с позиции высокой нравственности он имеет высшую ценность. Последствия этого поступка по своей опосредованной значимости намного превышают его непосредственный результат своим влиянием на сознание и поведение граждан, обретающих уверенность в своей защищенности; на сознание и поведение преступников, теряющих уверенность в своей безнаказанности и т. д.

Резюмируя сказанное выше, следует отметить, что сотрудник правоохранительных органов при принятии решения, когда приходится руководствоваться нормами нравственности, должен помнить, что существуют два вида таких норм:

— норма-идеал, на совокупности которых основывается вся классическая этика и все простые принципы нравственности, в том числе и в бытовых, общепотребительных формах (например, как уже упоминавшиеся «не кради», «не лги», «не прелюбодействуй» и т.д.); нормы-идеалы являются как бы вершиной нравственных устремлений, идеальной целью нравственного воспитания, ориентирами нравственного выбора в обычных ситуациях;

— норма-мера, то есть норма, соизмеримая с конкретными условиями и возможностями той реальной ситуации, в которой сотрудник выполняет служебную задачу и которая показывает нижнюю границу, перейдя которую, принятое решение становится однозначно безнравственным, какой бы социальной или служебной целесообразностью оно ни оправдывалось; эта норма определяется следующими критериями: а) наименьший ущерб; б) наиболее благоприятные нравственные последствия; в) соблюдение интересов наибольшего круга людей; г) соблюдение принципа разумной достаточности используемых средств.

Совершенно очевидно, что, поскольку в силу специфики служебной деятельности сотруднику правоохранительных органов нередко приходится работать в условиях, близких к нижней границе нормы-меры, ему следует постоянно воспитывать в себе умение нравственного мышления, нравственного анализа ситуации для того, чтобы в каждом нетипичном случае, когда отсутствуют заданные стереотипы поведения, определить соответствие своих действий вышеуказанным критериям, для того, следовательно, чтобы они оставались в границах нравственной допустимости. Эта способность, иными словами, нравственная культура, нравственная воспитанность сотрудника должна быть его профессиональным качеством, позволяющим ему осуществлять свою деятельность таким образом, чтобы в ней профессиональный интерес не утратил нравственные ориентиры, не выходил за пределы гуманистических ценностей, соответствовал бы общественному нравственному идеалу, но в то же время не был бы и ущемлен в угоду абстрактно, тем более ложно понимаемым нравственным ценностям и нормам.

Совершение человеком поступка как следствия принятого им решения в ситуации морального выбора так или иначе затрагивает интересы других людей, общества. Поскольку моральный выбор выражает реальную связь личности с другими людьми, а полученный результат имеет определенное значение и для них, то он всегда накладывает на эту личность определенную ответственность. Эта ответственность условно может быть разделена на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя ответственность, являющаяся

атрибутом такой моральной категории, как совесть,— это способность личности осознавать последствия своих действий и поступать в соответствии с этим осознанием, руководствуясь нормами морали. Внешняя ответственность выступает в виде общественных санкций за действия личности.

В этой связи встает вопрос о мере ответственности. Очевидно, бессмысленно говорить об ответственности, если нет свободы морального выбора, когда действия человека однозначно предопределены. Если под движущийся поезд внезапно бросается самоубийца, то машинист не может мгновенно остановить локомотив. Поэтому в данной ситуации машинист не подлежит не только уголовной, но и моральной ответственности, поскольку он не мог предотвратить гибель человека. Другое дело, что он может испытывать психологические переживания, связанные с произошедшим, как и любой человек, который сталкивается с трагедией.

В этике существовали две крайние позиции по вопросу о мере ответственности. Одна из них — фаталистическая — говорит о предопределенности поведения человека свыше и, следовательно, отсутствии у него свободы выбора. А если человек не волен выбирать, то он не может и нести ответственность за свои действия. Другая позиция — волюнтаристская — делает вывод о фактической безответственности человека либо потому, что человек абсолютно свободен и поэтому никто не вправе привлекать его к ответственности, либо потому, что человек обязан отвечать за все, происходящее в мире, то есть на самом деле не отвечать ни за что конкретно.

На практике отголоски этих концепций могут проявляться в стремлении снять с себя ответственность, прикрываясь ссылками на «объективные обстоятельства», или в попытках представлять себя отвечающим за то или иное дело в целом, чтобы не нести ответственность за конкретные действия.

В действительности мера ответственности за моральный выбор вытекает из диалектики свободы и необходимости. В отечественной этической литературе фактически общепризнано положение, в соответствии с которым личность ответственна в меру свободы выбора, то есть она отвечает лишь за то, что она объективно могла и субъективно должна была выбрать и реализовать в поступке.

В последние годы остро встал вопрос об ответственности правоохранительных органов и их сотрудников за совершенные ими действия. Суть этого вопроса состоит в следующем: в какой мере и за что они могут и должны нести ответственность?

На первый взгляд, решение данного вопроса достаточно просто: мера ответственности, как было отмечено, определяется мерой свободы выбора, то есть наличием объективных возможностей для альтернативных действий, и степенью следования нравственным требованиям. На вопрос «за что?» должен быть дан только такой ответ: за конкретные противоправные (в случае юридической ответственности) или аморальные (в случае нравственной ответственности) действия конкретных лиц или органов государства. Однако в действительности оценка действий человека или целой организации не всегда укладывается в «прокрустово ложе» той или иной формулы. Так, скажем, несут ли ответственность нынешние органы безопасности и органы внутренних дел за деятельность их предшественников во времена сталинских репрессий? Можно ли привлечь к ответственности следователя или судью, которые действовали в рамках закона, но сам этот закон был не правовым? Можно ли возлагать ответственность на правоохранительный орган, если проступок или преступление совершил его сотрудник? Эти и многие другие вопросы не имеют однозначного ответа и должны решаться по-своему в каждом конкретном случае.

16. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка

Генеральная Ассамблея, учитывая, что цели, провозглашенные в Уставе Организации Объединенных Наций, включают осуществление международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии, ссылаясь, в частности, на Всеобщую декларацию прав человека и Международные пакты о правах человека, ссылаясь также на Декларацию о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятую Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 3452 (XXX) от 9 декабря 1975 года, принимая во внимание, что характер функций по поддержанию правопорядка в защиту общественного порядка и то, каким образом они осуществляются, оказывают непосредственное воздействие на качество жизни отдельных лиц, а также всего общества в целом, сознавая важность задачи, которую добросовестно и с достоинством осуществляют должностные лица по поддержанию правопорядка в соответствии с принципами прав человека, памятуя, однако, о возможных злоупотреблениях, которые связаны с осуществлением этих обязанностей, признавая, что введение кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка является лишь одной из нескольких важных мер по предоставлению гражданам, обслуживаемым лицами по поддержанию правопорядка, защиты их прав и интересов, сознавая, что существуют дополнительные важные предпосылки гуманного осуществления функций по поддержанию правопорядка, а именно, что:

а) как и все другие учреждения системы уголовного правосудия, каждый орган охраны порядка должен представлять общественность в целом, нести перед ней ответственность и быть подотчетным;

б) эффективное поддержание этических норм среди должностных лиц по поддержанию правопорядка зависит от существования хорошо продуманной, повсеместно принятой и гуманной системы законов;

в) каждое должностное лицо по поддержанию правопорядка является частью системы уголовного правосудия, цель которой состоит в предотвращении и борьбе с ней, и что поведение каждого должностного лица этой системы оказывает воздействие на всю систему;

г) от каждого органа по охране порядка в соответствии с основной предпосылкой любой профессии необходимо требовать осуществления самоконтроля в полном соответствии с принципами и нормами, изложенными в настоящем документе, действия должностных лиц по поддержанию правопорядка должны подвергаться тщательной проверке со стороны общественности, которая может осуществляться либо советом, министерством, прокуратурой, судом, омбудсменом, комитетом граждан, либо *любым* сочетанием этих органов или *любым* другим органом по надзору;

е) нормы, как таковые не будут иметь практической ценности до тех пор, пока их содержание и значение посредством обучения и подготовки и путем осуществления контроля не станут частью кредо каждого должностного лица по поддержанию правопорядка, принимает содержащийся в приложении к настоящей резолюции кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка и постановляет препроводить его правительству с рекомендацией положительно рассмотреть вопрос о его использовании в рамках национального законодательства или практики в качестве свода принципов, которые должны соблюдаться должностными лицами по поддержанию правопорядка.

Статья 1

Должностные лица по поддержанию правопорядка постоянно выполняют возложенные на них законом обязанности, служа общине и защищая всех лиц от противоправных актов в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их профессией.

Комментарий:

а). Термин «должностные лица по поддержанию правопорядка» включает всех назначаемых или избираемых должностных лиц, связанных с применением права, которые обладают полицейскими полномочиями, особенно полномочиями на задержание правонарушителей.

б). В тех странах, где полицейские полномочия осуществляются представителями военных властей в форменной или гражданской одежде или силами государственной безопасности, определение понятия «должностные лица по поддержанию правопорядка» охватывает сотрудников таких служб-

в). Имеется в виду, что служба обществу включает в себя, в частности, оказание услуг и помощи тем членам общины, которые по личным, экономическим, социальным или другим причинам чрезвычайного характера нуждаются в немедленной помощи.

г). Имеется в виду, что это положение не только охватывает все насильственные, грабительские или вредные акты, но и распространяется на все виды запрещений, установленных в соответствии с уголовными законами. Оно распространяется также на поведение лиц, неспособных нести уголовную ответственность.

Статья 2

При выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и

защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам. Комментарий:

а). Указанные права человека устанавливаются и защищаются национальным и международным правом. К соответствующим международным документам относятся: Всеобщая декларация прав человека. Международный пакт о гражданских политических правах. Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания. Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными и Венская конвенция о консульских отношениях.

б). В национальных комментариях к этому положению должны указываться региональные или национальные положения, устанавливающие и защищающие эти права.

Статья 3

Должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей.

Комментарий:

а). В этом положении подчеркивается, что применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка должно носить исключительный характер; хотя оно подразумевает, в т.ч. должностные лица по поддержанию правопорядка могут быть уполномочены на применение силы, какая является разумно необходимой при данных обстоятельствах, в целях предупреждения преступления или при проведении правомерного задерживания правонарушителей или подозреваемых правонарушителей или при оказании помощи, при таком задержании не может применяться сила, превышающая необходимые для этих целей пределы.

б). Национальное законодательство, как правило, ограничивает применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка в соответствии с принципом пропорциональности. Это следует понимать таким образом, что при толковании этого положения должны уважаться эти национальные принципы пропорциональности. Это положение ни в коем случае не толкуется таким образом, будто оно уполномочивает на применение такой силы, которая является несоразмерной законной цели, которой нужно достичь.

с). Применение огнестрельного оружия считается крайней мерой. Следует приложить все усилия к тому, чтобы **ИСКЛЮЧИТЕ** применение огнестрельного оружия, особенно против детей. Как правило, огнестрельное оружие не должно применяться, за исключением случаев, когда подозреваемый правонарушитель оказывает вооруженное сопротивление или иным образом ставит под угрозу жизнь других и когда другие меры, имеющие менее исключительный характер недостаточны для осуждения или задержания подозреваемого правонарушителя. В каждом случае применения огнестрельного оружия должно быть незамедлительно сообщено компетентным властям.

Статья 4

Сведения конфиденциального характера, получаемые должностными лицами по поддержанию правопорядка, сохраняются в тайне, если исполнение обязанностей или требования правосудия не требуют иного. Комментарий:

По характеру своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка получают информацию, которая может относиться к личной жизни других лиц или потенциально повредить интересам таких лиц и особенно их репутации. Следует проявлять большую осторожность при сохранении и использовании такой информации, которая разглашается только при исполнении обязанностей или в целях правосудия. Любое разглашение такой информации в других целях является полностью неправомерным.

Статья 5

Ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, и ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может ссылаться на распоряжения вышестоящих лиц или такие исключительные обстоятельства, как состояние войны или угроза войны, угроза национальной безопасности, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение для оправдания пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Комментарий:

а). Этот запрет вытекает из принятой Генеральной Ассамблеей Декларации о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, согласно которой: такое действие является оскорблением человеческого достоинства и осуждается как нарушение целей Устава Организации Объединенных Наций и нарушение прав человека и основных свобод,

провозглашенных во Всеобщей Декларации прав человека и других международных документах, касающихся прав человека.

б). Декларация определяет пытку следующим образом:

«...пытка означает любое действие, посредством которого человеку намеренно причиняется сильная боль или страдание физическое или умственное, со стороны официального лица или по его подстрекательству с помощью получения от него или от третьего лица информации или признаний, наказания его за действия, которые он совершил или в совершении которых подозревается, или запугивания его или других лиц. В это толкование не включается боль или страдание, возникающие только из-за законного лишения свободы, ввиду состояния, присущего этому или вследствие этого, в той степени, насколько это совместимо с Минимальными стандартными правилами обращения с заключенными».

с). Выражение «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство виды обращения и наказания» не было определено Генеральной Ассамблеей, но его следует истолковывать таким образом, чтобы предоставлялась по возможности наиболее широкая защита от злоупотреблений как физического, так и психологического характера.

Статья 6

Должностные лица по поддержанию правопорядка обеспечивают полную охрану здоровья задержанных ими лиц и, в частности, принимают необходимые меры по обеспечению оказания медицинской помощи в случае необходимости.

Статья 7

Должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними.

Комментарий:

а). Любой акт коррупции, как и любое другое злоупотребление властью, несовместимы со служебным статусом должностного лица по поддержанию правопорядка. К любому должностному лицу по поддержанию правопорядка, совершившему акт коррупции, закон должен применяться в полной мере, поскольку правительства не могут ожидать от граждан соблюдения ими правопорядка, если они не могут или не хотят обеспечивать соблюдение законности их собственными должностными лицам" в рамках их собственных учреждений.

б). Хотя понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие.

с). Выражение «акт коррупции», о котором говорилось выше, следует понимать как охватывающее попытку подкупа.

Статья 8

Должностные лица по поддержанию правопорядка уважают закон и настоящий Кодекс. Используя все свои возможности, они также предотвращают и всемерно препятствуют всем нарушениям таковых. Должностные лица по поддержанию правопорядка, имеющие основания полагать, что нарушение настоящего Кодекса имело место или будет иметь место, сообщают о случившемся вышестоящим инстанциям и, в случае необходимости, другим соответствующим инстанциям или органам, обладающим полномочиями по надзору или правовому контролю.

(Принят Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1979 г.)

17. Основные принципы этики полицейской службы

1. Полицейский должен выполнять определенные законом обязанности, которые закон на него возлагает через посредство задач защиты своих сограждан и общества против насилия, хищений и других деяний, наносящих вред. Эта статья однозначно связывает полицейского с правом. Власть закона лежит в основе всякого демократического общества. Задача полицейского и его ответственная обязанность — уважать закон и поддерживать его.

2. Каждый полицейский обязан исполнять свой долг честно, беспристрастно и с достоинством. В особенности он должен всячески настойчиво противиться и избегать всех видов коррупции. Определения понятия коррупции не существует, однако каждый полицейский знает, где она начинается. Избежание взяток и коррупции имеет исключительную важность, ибо, когда полиция коррумпирована, эта коррупция рано или поздно распространяется и на остальную часть общества.

3. Массовые казни, пытки и другие формы антигуманного или унижительного обращения или наказания, невзирая ни на какие обстоятельства, запрещены. Полицейский обязан не уважать и не выполнять любой приказ или распоряжение, содержащее меры подобного характера. Определять наказание есть обязанность судебных органов, поэтому полиция не должна противозаконным образом брать на себя эту функцию. В особенности полиция не должна принимать участие в массовых казнях или других мероприятиях столь же жестокого характера. Этот запрет настолько значителен, что полицейский, даже в тех случаях, когда приказ подобных мероприятиях отдается вышестоящими инстанциями, обязан ему не повиноваться.

4. Полицейский обязан добросовестно выполнять приказания, отданные его начальником, однако любое распоряжение подлежит исполнению, если он узнает или знает о его незаконном характере. Эта статья расширяет ту область всякого распоряжения, которую полиция не должна исполнять. Подлинный смысл этой статьи заключается, прежде всего в подчеркивании того, что полицейский, будучи членом иерархизированной и подчиненной строгой дисциплине организации, в подавляющем большинстве случаев автоматически выполняет распоряжения, отданные ему начальником.

5. Полицейский должен противостоять нарушениям закона в том случае, когда допускается нарушение, в результате чего личности причиняется непосредственный или не возмещаемый и существенный вред, он обязан, используя все свои возможности, безотлагательно принять меры.

6. Когда же совершенное нарушение не дает оснований опасаться прямого или же не возмещаемого и существенного вреда, он обязан позаботиться о том, чтобы это нарушение не имело последствий или же повторения, в целях чего он докладывает о случившемся своему начальнику. В том случае, если его доклад оставлен без внимания, он может обратиться в вышестоящие инстанции. Эта статья касается существенных нарушений закона. Декларация различает два вида нарушений. В первом случае речь идет о непосредственном или невозмещаемом существенном вреде — таком, как массовая казнь. Здесь полицейский должен сам принимать немедленно меры. Другие случаи — это когда нарушения, по-видимому, не причиняют непосредственный или же невозмещаемый существенный вред. При этих обстоятельствах полицейский должен доложить о правонарушении своему начальнику и дается ход мерам пресечения судебного характера.

7. Полицейский, отказывающийся выполнять противозаконное распоряжение, не должен подвергаться дисциплинарным наказаниям или отдаваться под суд. Статья 7 необходимо вытекает из статьи 4, когда в отданном противозаконном наказании выхолащивается подлинная сущность Полицейской декларации. Полицейский, не выполнивший это приказание, не должен за свои действия подвергаться наказанию. Еще раз подчеркивается: эта статья направлена на то, чтобы все правомерные приказы безусловно выполнялись; вместе с тем она обязывает полицейского, не выполнившего приказание, чтобы он указал на основания своего неподчинения.

8. Полицейский, осуществляющий слежку, задержание, охрану или транспортировку, не должен сотрудничать с лицами, которые хотя пока не находятся под подозрением, но по отношению к которым начинают совершаться противоправные действия из-за их расовой принадлежности, религиозных или политических убеждений — такие как преследования и угроза ареста. Здесь ему приходится находить компромисс между двумя точками зрения. С одной стороны, он не сможет терпеть, чтобы граждане подвергались преследованию за их расовую принадлежность, религиозные или политические убеждения. Он должен четко и ясно поступать как служащий полиции: например, должен отказаться оказывать содействие при аресте евреев, осуществлявшемся во время Второй мировой войны. С другой стороны, он должен знать, что сегодня многие преступления совершаются по скрытым политическим причинам. В Ирландии около 40 % преступлений объясняется так называемыми политическими мотивами. В соответствии с подлинным смыслом статьи 8 Декларации он должен стремиться к тому, чтобы стало возможным подвергаться общепринятым наказаниям членов определенной политической организации, находящейся под подозрением и возлагать на нее ответственность за особо тяжкие преступления, такие, например, как подкладывание бомб. Особенно это рекомендуется при розыске террористов. Кроме того, это приобретает особую важность, когда совершенное преступление подпадает под сферу уголовного права. Данная статья стремится подчеркнуть, что полицейский не должен подвергать человека аресту только за то, что он является евреем или членом политической партии. Одновременно статья указывает на то, что когда

полиция имеет основание подозревать какое-то лицо в совершении уголовно наказуемого деяния, то она не должна воздерживаться от активного преследования личности из-за его расовой принадлежности, политических или религиозных убеждений. Борьба против преступности и терроризма не может вестись ценой утери великих гражданских свобод, которые Европа завоевала в столь тяжелой борьбе. В действительности зачастую целью террористов является разрушение общества, поэтому общество вынуждено бороться против беспорядков террористическими методами. Так начинается катастрофический развал цивилизованного общества. Отсюда мы должны охранять политические и религиозные свободы и расовую терпимость и в то же время мы обязываем всеми силами бороться против террористических акций.

9. Полицейский лично ответствен как за свои собственные действия, так и за те действия, которые он в соответствии с приказанием исполняет или не исполняет в том случае, если они не согласуются с законом. Существует простое, но имеющее огромный смысл положение. Оно еще раз возвеличивает английскую правовую доктрину и развенчивает теории. Оно гласит, что полицейский позади незнакомого начальства благополучен будет, а под невразумительными инструкциями прикрытым будет. Это положение совершенно недвусмысленно характеризует ответственность отдельного полицейского. Несомненно, это тяжкая ноша, однако она, тем не менее, придает ему силу. Пожалуй, следует добавить, что эта статья об ответственности отдельного полицейского подчеркивает, что при этом, однако, не исключается ответственность его начальников. Отсюда следует, что полицейский может быть привлечен к уголовной ответственности. Как правило, он может, вместе с тем, быть привлеченным к ответственности в соответствии с гражданским кодексом за действия, связанные с применением власти при исполнении служебного долга и приведшие к нарушению уличного движения. Естественно, во всех случаях превышения и злоупотребления исполнительной властью ответственность несет государство.

10. Должны существовать четкие границы компетенции отдачи распоряжений. Это необходимо для того, чтобы начальник смог определить, за какое действие или бездействие полицейский, в конечном счете, является ответственным. Четкое определение компетенции — в интересах самого полицейского. Эта статья выступает как директивная установка для законодателя и властей и не направлена на отдельного полицейского. В Комитете по вопросам права было обращено внимание на то, что в Нидерландах полиция подчинена двум учреждениям: Министерству юстиции и Министерству внутренних дел. При такой системе возникает опасность, что полиция при получении противоречивых распоряжений будет стремиться создать свою собственную версию.

11. Законодательство должно предусмотреть систему законных гарантий и правовых средств против всяческого ущерба, который может последовать в результате действий полиции.

12. При исполнении своих обязанностей полицейский должен применять все имеющиеся у него права для достижения законно необходимых и разрешенных целей; вместе с тем он не должен применять большее насилие, чем это предписывается для подобного случая. При исполнении своего служебного долга полиция бывает вынуждена при случае прибегать к насилию. При этом важно подчеркнуть, что полиция не имеет разрешения на применение насилия, хотя определения, что такое насилие, каковы его границы — не может быть дано; крайне важно подчеркнуть, что полиция только в исключительных обстоятельствах имеет право прибегнуть к силе и то лишь в разумной степени. Краеугольным камнем полноты власти, предоставленной полицейским, должно быть положение о том, что авторитет полиции в обществе в немалой степени зависит от тех способов, которые она применяет при исполнении своих обязанностей.

13. Полицейский должен иметь четкие и исчерпывающие инструкции в отношении способов применения оружия и обстоятельств, при которых он может его применять. В Комитете по вопросам права отмечено, что обычный полицейский в Ирландии и в Соединенном Королевстве не вооружен. К нему эта статья не имеет отношения. Однако в этих странах существует также и вооруженная полиция и в других странах-членах ООН полиция вообще вооружена — там эта статья будет воспринята как полезная.

14. Полицейский, арестовавший человека, нуждающегося в медицинской помощи, обязан обеспечить ему эту помощь посредством привлечения медицинского персонала, а в случае необходимости принять меры к сохранению его жизни и здоровья. Он должен выполнять указания врачей и другого медицинского персонала, когда данный арест осуществляется под медицинским контролем.

15. Полицейский должен все дела конфиденциального характера, о которых он становится информированным, сохранять в тайне: это требование продолжает существовать и в дальнейшем, когда исполнение им служебного долга или предписаний закона осуществляется в другом месте.

16. Полицейский, выполняющий требования настоящей Декларации имеет право претендовать на действительную материальную и моральную поддержку от общества, которому он служит.

Хорошие отношения между полицией и общественностью играют важную роль. Никакой полицейский не сможет успешно и в интересах населения выполнять свои задачи, если он не пользуется действительной моральной и материальной поддержкой со стороны общества, в котором он работает. К сожалению, большинство стран-членов ООН отношения между полицией и общественностью ухудшаются. Будем надеяться, что настоящая Декларация сможет содействовать их улучшению.

(Утверждена 9 мая 1979 г. резолюцией X 690 Парламентской Ассамблеи Совета Европы).

18. Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации

Гражданин Российской Федерации, избравший профессию сотрудника органов внутренних дел, возлагает на себя ответственную обязанность следовать требованиям присяги, служебного долга, дорожить честью представителя государственной власти, соблюдать высоконравственные нормы поведения.

Право на доверие и поддержку граждан, сослуживцев и всего народа дают сотруднику органов внутренних дел его профессиональная честь, личное достоинство, порядочность, признанная окружающими его высокая репутация, заслуженное делами доброе имя.

В службе и повседневной жизни рядовой и начальствующий состав органов внутренних дел России руководствуется следующими нравственными обязательствами и этическими нормами настоящего Кодекса чести:

§ 1

Долг чести сотрудника органов внутренних дел — быть примером в исполнении законов Российской Федерации, уважении и защите личности, человеческого достоинства гражданина, независимо от его происхождения, национальности, социального статуса, политических, религиозных или мировоззренческих убеждений в соответствии с Конституцией, международными правовыми нормами и общечеловеческими принципами морали.

Сотрудник органов внутренних дел не должен допускать влияния любых политических взглядов на свои действия.

§ 2

Быть верным присяге, гражданскому и служебному долгу, глубоко осознавать свою личную ответственность за защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств.

Всегда помнить, что общие усилия и результаты работы многих сотрудников подразделений, органа внутренних дел и всей правоохранительной системы могут быть ослаблены бездействием, аморальным поступком или отступлением от присяги даже одного нерадивого сотрудника.

§ 3

Сотрудник органов внутренних дел, будучи государственным служащим, наделенным властью, должен относиться к человеку как к высшей ценности, гуманно, великодушно и милосердно. Вежливое и предупредительное обхождение с гражданами не является проявлением слабости и вполне совместимо с твердостью.

Самоотверженно и неуклонно всеми правовыми мерами оберегать невинных от беззакония и обмана, слабых от запугивания, мирных от насилия и беспорядка, в экстремальной обстановке не оставлять беззащитными женщин, стариков и детей, больных и инвалидов, не допускать попустительства злу и безнаказанности.

§ 4

Помнить старинное российское правило: «Честь — в службе!»

Честно и добросовестно выполнять должностные обязанности на любом порученном участке, эффективно и профессионально действовать по раскрытию и расследованию преступлений, охране общественного порядка.

Проявлять твердость, профессионально-нравственную устойчивость и непримиримость в борьбе с преступностью.

Делом отстаивать честь и авторитет своего подразделения, а также находить взаимопонимание с сотрудниками других служб, уважая их профессиональное достоинство.

§ 5

Использовать предоставленные государством полномочия разумно, строго в рамках закона. Уметь уважать права и тех, кто оступился или по злому умыслу совершил преступление. Не *терять* самообладания и достоинства при вынужденном и правомерном применении физической силы и специальных средств, когда переговоры или убеждения оказались неэффективными.

§ 6

Быть требовательным к себе, принципиальным, правдивым, беспристрастным в решениях, не допуская, чтобы на них влияли какие-либо предубеждения, враждебные или дружеские чувства.

Быть постоянно готовым бескорыстно прийти на помощь тем, кто в ней нуждается, но никогда не принимать подношений за действия в качестве должностного лица, не допускать злоупотреблений служебным положением, фактов коррупции, всемерно препятствовать таким явлениям и бороться с ними, как с подрывающими авторитет органов внутренних дел в глазах народа.

§ 7

Быть мужественным и смелым, не останавливаться перед лицом опасности в обстановке, требующей спасения жизни людей, пресечения угрожающего людям преступления, ликвидации последствий аварии, стихийного бедствия. Трусость и малодушие в таких ситуациях исключены для сотрудника органов внутренних дел.

§ 8

Постоянно помнить, что пользу людям может принести только умелый сотрудник органов внутренних дел, совершенствовать свою деловую квалификацию, профессиональную подготовку, стремиться быть всесторонне развитым, высокообразованным, в работе грамотно использовать отечественный и зарубежный опыт охраны правопорядка. Передавать свои знания и накопленные многими поколениями традиции служебного мастерства молодым сотрудникам, как зеницу ока хранить личное оружие, удостоверение личности, оберегать от разглашения профессиональные секреты, служебную и государственную тайну.

§ 9

Считать своим моральным долгом высокую организованность, дисциплинированность, исполнительность, проявлять в работе инициативу, правильно и с достоинством воспринимать критику и замечания сослуживцев, начальников, старших по возрасту и званию, а также граждан, уметь своевременно признавать допущенные ошибки, искренне и в тактичной форме принести извинения, заглазить свою вину, а не искать ложного самооправдания.

С честью и достоинством носить форменную одежду, заботиться о своем внешнем виде, быть всегда подтянутым и аккуратным. Всем своим поведением подавать пример высокой порядочности и тактичного обращения с окружающими как на службе, так и в семье и в быту.

§ 10

Овладевать достижениями общечеловеческой культуры, духовным богатством и традициями народов России.

Помнить — народ верит и надеется, что сотрудник органов внутренних дел, выполняя задачи охраны правопорядка, оберегает не только права, жизнь, здоровье людей, но и культурное наследие общества.

§ 11

Хранить и приумножать лучшие служебные традиции сотрудников МВД России: патриотизм, товарищество и взаимопомощь, мужество и бескорыстие, благородство и самопожертвование, чуткость к людским нуждам и горю, верность долгу, мастерство и профессионализм.

Долг чести руководящих кадров — умело сочетать твердость управления, требовательность и сохранение хорошей морально-психологической атмосферы во вверенном подразделении, формировать нравственную культуру сотрудников, заботиться о подчиненных, обеспечивать их социально-правовую защиту, окружать вниманием ветеранов, семьи работников, погибших на службе.

§ 12

Высокая честь — заслужить право гордиться своей профессией, достойно носить звание сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.

(Одобрено решением Коллегии МВД Российской Федерации 29 октября 1993 года.
Утверждено приказом министра внутренних дел России 19 ноября 1993 года).

19. Морально-этический кодекс полицейского США

Как офицер полиции, я считаю своим основным долгом служить человеку: охранять жизнь и собственность моих сограждан, защищать доверчивых от обмана, слабых от угнетения и запугивания, мирных граждан — от насилия и беспорядков, уважать конституционные права всех людей на свободу, равенство и справедливость.

В своей личной жизни я обещаю быть примером для других:

я буду, мужественен и спокоен перед лицом опасности, буду стараться сдерживать свои чувства и постоянно заботиться о благосостоянии других.

Будучи честным в мыслях и поступках, личных и служебных делах, я буду беспрекословно исполнять законы моей страны и служебные инструкции.

Всю информацию конфиденциального характера, с которой мне придется столкнуться или которая будет передана мне для выполнения служебных обязанностей, я до конца дней своих буду держать в тайне, если раскрытие этих данных не потребуется в ходе службы. Я обещаю не вмешиваться в чужие дела и никогда не позволю личным симпатиям, предрассудкам, злобе или дружеским чувствам влиять на мои решения.

Будучи бескомпромиссным к преступлениям и неотступном преследовании преступников, я буду нести службу добросовестно и вежливо без заигрывания и благоклонностей, злобы и других намерений, никогда не прибегая к ненужной силе и никогда не принимать взятки. Я принимаю отличительный знак моего управления как символ общественного доверия, которым я буду пользоваться до тех пор, пока я придерживаюсь этики полицейской службы. Я постоянно буду стремиться к достижению этих целей и идеалов, посвящая себя моей избранной профессии — службе в полиции.

20. Этика полицейского ФРГ

1. Главная обязанность полиции защищать права и достоинство человека, его честь.
2. Существующий в обществе плюрализм существенно осложняет выработку этических принципов. Однако есть определенный минимум, являющийся обязательным. Эти положения заложены в Конституции ФРГ.

3. В полицейской этике должна существовать кастовость. Ее нормы — это определенная интерпретация общепринятых этических норм.

4. Она не может быть сборником инструктивных предписаний, ее нормы должны давать возможность интерпретации и иметь расширительное значение.

5. В полицейской деятельности должен иметь место творческий подход: не механическое выполнение приказов, но с опорой на моральные ценности. Это требование имеет следующее обоснование: полицейский уполномочен вторгаться в частную жизнь гражданина, но при этом он обязан помнить о сущности своей службы: уважение и охрана прав и достоинства личности.

6. Полицейская служба основана на принципе верности государству, в том числе и его моральным и правовым ценностям.

7. Полицейский имеет полномочия квалифицировать деяние как преступное, поэтому он должен быть внимателен, беспристрастен, непредвзят и т.д.

8. Использование огнестрельного оружия всегда сопряжено со служебным расследованием, поэтому оно определяется также и этическими убеждениями служащего полиции.

9. Полицейская этика играет большую роль в системе подготовки полицейского, поскольку она наличествует практически во всех сферах его служебной деятельности и в каждой она имеет свою специфику. Поэтому она должна преподаваться как раздел каждой специальной дисциплины и отражаться в каждой функции службы.

10. Демоскопические (то есть социологические + демографические) исследования показывают следующую систему ценностей полицейской службы по мнению граждан:

А. Позитивные ценности:

- корректность — 50 %;
- готовность оказать помощь — 50 %;
- дружелюбие — 38 %;
- внимательность — 37 %;
- способность вызывать доверие — 32 %;
- справедливость — 28 %;
- внешний вид — 26 %;
- творческая способность — 17 % (сообразительность);
- терпимость — 15 %.

Б. Негативные ценности:

- строгость, жесткость — 37 %;
- бюрократичность — 34 %;
- крючкотворство — 27 %;
- отсутствие чувства юмора — 25 %;
- высокомерие — 24 %;
- предвзятость — 20 %;
- невнимательность — 12 %;
- жестокость, прибегание к насилию — 11 %;
- коррумпированность — 7 %.

В. Негативные черты полицейской службы (мнение полицейских):

- начальник не уделяет сотрудникам достаточно времени;
- он не прислушивается к их мнению;
- он не терпим к критике;
- он занижено оценивает сотрудников;
- он не защищает интересы сотрудников;
- он больше думает о своей карьере, чем о служебном росте сотрудников.

11. Сотрудник не должен быть только внешне корректным. Он обязан в самой сущности своей быть верным нравственным ценностям и принципам государства.

12. Сотрудник должен, прежде всего:

- быть пунктуальным;
- заботиться о своем здоровье;
- заботиться о своей безопасности;
- заниматься подготовкой и переподготовкой.

13. Сотрудник получает право на дополнительный заработок только по разрешению начальника. Обоснование этого:

— население не должно считать службу полицейского легкой, оставляющей ему много свободного времени:

— он находится на жаловании и не должен занимать еще одно рабочее место (что аморально при существующей безработице);

— дополнительная служба может сказаться на добросовестности выполнения своих основных обязанностей;

— может иметь место противостояние интересов полицейской и дополнительной службы.

14. К важнейшим качествам полицейского относятся:

а) чувство товарищества — важнейшее качество сотрудника, но оно не должно переходить границ и не перерождаться в кумовство; ложно понимаемое товарищество ведет к сокрытию, замалчиванию недопустимых случаев и методов, круговой поруке. Товарищество заканчивается там, где заканчивается законность и закон. В этом случае товарищеская поддержка должна уступать место критике;

б) трезвый образ жизни — пьянство вредит здоровью, ухудшает качество служебной деятельности, ухудшает морально-психологическую атмосферу в коллективе, способствует перерождению товарищества в ложное товарищество.

21. Кодекс деонтологии национальной полиции **Франции**

Статья 1

Национальная полиция служит обеспечению на всей территории страны гарантии свобод и защиты республиканских институтов, поддержанию спокойствия и общественного порядка и защиты граждан и имущества.

Статья 2

Выполняя свою миссию, национальная полиция осуществляет свою деятельность в соответствии с Декларацией прав человека и гражданина, Конституцией, международными соглашениями и законом.

Статья 3

Национальная полиция готова служить всем правопослушным гражданам.

Статья 4

Национальная полиция организуется по иерархическому принципу с учетом оговорок, содержащихся в уголовно-процессуальном кодексе в части, касающейся деятельности юридической полиции; она подчиняется министру внутренних дел.

Статья 5

Настоящий деонтологический кодекс обязателен для сотрудников национальной полиции и для тех, кто принимает участие в осуществлении полицейских функций.

Статья 6

Всякое неисполнение предписаний, зафиксированных в настоящем кодексе, влечет дисциплинарные санкции, не влияющие на степень наказания, в том случае, когда совершенные деяния квалифицируются как противозаконные уголовным кодексом.

Глава I. ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ СОТРУДНИКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ

Статья 7

Сотрудник национальной полиции обязан быть верным республиканским институтам. Он честен, неподкупен и беспристрастен. Он ни при каких обстоятельствах не поступает своим достоинством. Будучи призванным служить обществу, сотрудник полиции должен являть собой образец поведения. Он должен относиться с уважением к любому гражданину, независимо от его происхождения и национальности, его социального статуса, политических, религиозных или мировоззренческих убеждений.

Статья 8

Сотрудник национальной полиции обязан, даже в тех случаях, когда он не исполняет служебные обязанности, по собственной инициативе оказывать помощь любому гражданину, находящемуся в опасности, для того чтобы предотвратить или пресечь всякое деяние, нарушающее общественный порядок, и защищать гражданина или коллектив от посягательств на личность или имущество.

Статья 9

В тех случаях, когда сотрудник полиции вынужден на законном основании применять силу и, в частности, использовать оружие, он должен это делать только в случае крайней необходимости и в строгом соответствии со сложившейся ситуацией.

Статья 10

Всякий задержанный гражданин находится под защитой полиции, и она несет за него ответственность; он не должен испытывать со стороны сотрудников полиции или других лиц никакого насилия, бесчеловечного отношения или унижения достоинства.

Сотрудник полиции, являющийся свидетелем действий, упомянутых выше, и не предпринимающий мер для их пресечения или же не доводящий о них до сведения соответствующих руководителей, несет дисциплинарную ответственность.

Сотрудник полиции, под охраной которого находится задержанный, нуждающийся в оказании помощи, обязан вызвать медицинского работника, а в необходимых случаях предпринять меры для сохранения его жизни и здоровья.

Статья 11

Сотрудник полиции может свободно давать информацию, за исключением случаев, связанных с исполнением им служебных обязанностей, требующих сохранения служебной тайны и профессиональных секретов.

Статья 12

Министр внутренних дел защищает сотрудников национальной полиции от угроз, насилия, самоуправства, несправедливости, клеветы, оскорблений, жертвами которых они становятся при исполнении ими служебных обязанностей или в процессе служебной деятельности.

Глава II. ВЗАИМНЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ И ИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Статья 13

Руководитель, облеченный властью, исполняет командные функции. В этом качестве он принимает решения и требует их исполнения; он выражает их в приказах, которые должны быть точными и содержать необходимые пояснения для их успешного выполнения.

Статья 14

Руководитель является ответственным за отданные приказы, за их исполнение и за их последствия. В том случае, когда он поручает кому-либо из своих подчиненных действовать от своего лица, его ответственность полностью сохраняется; это относится и к действиям, которые подчиненный выполняет постоянно в рамках своих функций и полученных приказаний.

Сотрудник полиции обязан четко выполнять приказы, отданные руководителем. Он несет ответственность за их исполнение или за последствия их неисполнения.

Статья 15

Руководитель отдает приказы непосредственным подчиненным. Если срочная необходимость не позволяет следовать этому порядку, руководители промежуточных ступеней должны быть немедленно об этом проинформированы.

Статья 16

За исключением тех случаев, когда в исполнение полицейских функций оказываются вовлечены военные или гражданские власти, никакой руководитель не имеет права отдавать приказы сотруднику полиции, сфера деятельности которого находится вне его компетенции, если это не диктуется необходимостью, предусмотренной общими дисциплинарными правилами.

Статья 17

Подчиненный обязан выполнять все распоряжения руководителя, исключая случаи, когда отданное приказание явно носит противозаконный характер и может нанести существенный ущерб общественным интересам.

Если подчиненный считает, что полученное распоряжение носит вышеупомянутый характер, он обязан высказывать свои возражения против него отдавшему это распоряжение руководителю, указав четко и определенно на противозаконную сущность данного распоряжения. Если же распоряжение повторяется и если, несмотря на разъяснения и анализ, которые подчиненный высказывает руководителю, последний настаивает на его исполнении, подчиненный обращается к непосредственному начальнику руководителя, отдавшего приказание, обладающему должной властью, который обязан рассмотреть аргументацию сотрудника, отказывающегося выполнять приказание.

Всякий отказ выполнять приказание, не соответствующее вышеприведенным условиям, влечет за собой ответственность сотрудника за неисполнение.

Статья 18

Всякий сотрудник полиции обязан докладывать руководству об исполнении полученных приказаний или же, в необходимых случаях, о причинах, которые воспрепятствовали их исполнению.

Глава III. О КОНТРОЛЕ ПОЛИЦИИ

Статья 19

Помимо прокуратуры, которая контролирует деятельность сотрудников национальной полиции и административного руководства в тех случаях, когда они исполняют функции юридической полиции, они контролируются вышестоящими руководителями, генеральной административной инспекцией, а также это относится только к личному составу национальной полиции — генеральной инспекцией национальной полиции.

Статья 20

Министр внутренних дел страны и регионов обязан обеспечить исполнение настоящего декрета, который опубликован в официальном Журнале Французской Республики.

(Дано в Париже, 18 марта 1986 г.: министр внутренних дел страны и регионов).

22 ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ЭТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

1. Будучи сотрудником полицейской службы, я всегда стремлюсь действовать справедливо, выполнять свои служебные обязанности честно и беспристрастно.
2. Исполнять свой служебный долг с усердием и должной осторожностью.
3. Проявлять самоконтроль, терпимость, понимание и вежливость в отношении с обстоятельствами при моих контактах с людьми как находящимися на службе в полиции, так и вне нее.
4. Способствовать соблюдению прав человека, согласно которым каждая личность является единственной и неповторимой, и проявлять уважение и сочувствие по отношению к ней.
5. Оказывать поддержку всем моим коллегам в исполнении ими своего определенного рамками закона долга, обращать активное внимание на всякое злоупотребление любого человека.
6. Всегда помнить, что большинство информации я получаю конфиденциальным путем и что я могу раскрыть ее только в том случае, когда меня к этому обязывают требования службы.
7. Применять силу только в необходимых обстоятельствах, при этом использовать силу в минимальных пределах, достаточных для достижения законной цели и восстановления порядка.
8. Действовать только в рамках закона, отдавая себе отчет в том, что я ни при каких условиях не могу их преступить и никто не может потребовать от меня сделать это.
9. Имеющиеся в моем распоряжении средства я должен использовать для достижения максимального общественного блага.
10. Нести ответственность за свое самообразование, постоянно стараться усовершенствовать формы и методы, посредством которых я служу обществу.
11. Нести персональную ответственность за свои действия и промахи.

Габитов Т. Х.

Этика юриста

Учебное пособие

*Генеральный директор
ТОО «Юридическая литература»
Жансеитов Н.Н.*

Оператор: Г.О. Умурова

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

ТОО «Юридическая литература»
050057 г. Алматы, ул. Озтюрка, д. 12.

Тел./факс: (3272) 747-833, 742-650.

Е-mail: law_literature@nursat.kz